ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 153 (3182) Суббота, 26 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

РАССКАЗЫВАЮТ РЕДАКТОРЫ ЖУРНАЛОВ И АЛЬМАНАХОВ...

Планы на новый, 1954 год

ДРУЖБА НАРОДОВ

В первой половине будущего года мы уделим много места украинской литературе в связи с предстоящим общесоюзным праздником воссоединения Украины с Россией. В первом номере печатаем стихи М. Рыльского и Л. Забашты, большую повесть О. Донченко «Золотая медаль», посвященную проблемам выбора профессии и коммунистического воспитания. В дальнейшем опубликуем большой исторический роман П. Панча «Клокотала Украина», посвященный великой освободительной войне украинского народа в первой половине XVII века, а также историческую повесть молодого украинского писателя Ю. Мушкетика «Семен Палий».

Кроме того, будет напечатан ряд очерков и статей, которые мы начали статьей академика Е. Тарле «Переяславская Рада». А. Малышко обещал редакции новый цикл стихов о воссоединении Украины с Россией. В отделе «Литературное наследство» выйдет статья кандидата филологических наук И. Басса «Белинский в борьбе за реализм и идейность украинской литературы».

Из произведений писателей других братских республик, которые опубликует «Дружба народов», следует отметить поэтический цикл С. Чиковани «Стихи о великой дружбе», созданный в результате поездок в Польшу и Германскую Демократическую Республику, лирические стихи Р. Гамзатова, новые стихи Г. Боряна, стихи об Армении грузинского поэта И. Нонешвили и др.

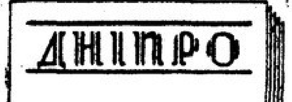
Мы напечатаем приключенческий роман Вилиса Лациса, а также ряд новелл дагестанских и кабардинских писателей.

Отдел очерков значительно расширен. Мы будем уделять особое внимание отражению в литературе грандиозных задач, поставленных перед всем советским народом историческими решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Печатая произведения известных литераторов, большое внимание, как и прежде, будем уделять талантливой молодежи. Постараемся привлекать русских мастеров слова не только в качестве переводчиков, но и как авторов оригинальных произведений.

В. ГОЛЬЦЕВ,
главный редактор альманаха

◇ ◇

Большое место мы уделяем в будущем году произведениям, посвященным братскому единству русского и украинского народов. В трех первых книжках «Дніпра» публикуется исторический роман П. Панча «Клокотала Украина». В дальнейшем будут напечатаны романы: Н. Шумило «Когда зацветает папоротник»—об украинском рабочем классе, Ю. Збанацкого — из жизни работников МТС, В. Собко «Стадион» — о советских спортсменах, и вторая книга романа Д. Ткача «Племя смелых».

Как и ранее, рядом с произведениями известных мастеров украинской литературы журнал предоставит место стихотворным, прозаическим и критическим выступлениям молодых авторов, а также переведенным на украинский язык стихам поэтов братских республик. В журнале будут публиковаться стихи П. Тычины, М. Рыльского, В. Сосюры, П. Дорошко, И. Неходы, Л. Забашты, Д. Павличко. В нашем плане также — рассказы О. Гончара, М. Чабанивского, Е. Кравченко, П. Бабанского, А. Хорунжего.

В первом номере журнала публикуется новая поэма Н. Шеремета «На берегах Днепра», действие которой происходит в Каховке в наши дни. Среди очерков — произведения, повествующие о братской дружбе народов.

В портфеле раздела критики и библиографии — статьи о произведениях, связанных с темой воссоединения Украины с Россией в украинской литературе. Ряд статей посвящается историко-литературным связям и, в частности, связям Т. Г. Шевченко с русской литературой, влиянию А. М. Горького на творчество украинских писателей. Актуальные проблемы современности будут затронуты в статьях раздела публицистики.

В новом году журнал вводит рубрику «Писатели о своей работе» и улучшает работу раздела «Юмор и сатира».

Редактор журнала А. ПИДСУХА

◇ ◇

ГОД ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Название нашего альманаха определяет содержание публикуемых в нем литературно-художественных произведений. Это показ основных тенденций в жизни и развитии Советской страны и ее народов.

Сейчас вышла 15-я, последняя в этом году, книга альманаха. В 1954 году выйдут три книги — 16, 17, 18. Шестнадцатая книга уже сдается в набор. Главное место в этой книге займут произведения, посвященные двум темам: практическому осуществлению исторических решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС и общенародному празднику — трехсотлетию воссоединения Украины с Россией. В очерках А. Аграновского и Ф. Малова, в рассказе В. Лукашевича, в записках председателя украинского колхоза имени Буденного—Макара Посмитного рассказывается о колхозном крестьянстве, добивающемся нового подъема сельского хозяйства, богатой и культурной жизни. Теме трехсотлетия воссоединения Украины с Россией посвящены очерки, рассказы и стихи П. Тычины, И. Ященко, В. Кучера, П. Дорошко, В. Швеца и других.

Одну из важнейших своих задач редколлегия альманаха видит в упорной и настойчивой работе с молодыми писателями, представившими рукописи первых своих крупных произведений. В шестнадцатой книге будет напечатана первая повесть ленинградской писательницы И. Глинской «Машинистка».

В портфеле редакции находится еще несколько больших рукописей. Эстонский писатель Ф. Эйнбаум заканчивает работу над романом о первых рабочих-новаторах Советской Эстонии, который будет опубликован в альманахе в 1954 году. К. Львова выступит с романом, посвященным вопросам морали и семьи.

Повести, пьесы, рассказы и очерки о труде и быте советских людей пишут по договоренности с редакцией куйбышевский писатель Н. Колиструк, горьковский драматург Г. Федоров, краснодарский прозаик А. Панферов, саранский журналист-очеркист И. Антонов, москвичи В. Полторацкий, А. Колосов, Г. Фиш, В. Василевский, А. Шахов, Т. Тэсс, И. Котенко, Н. Давыдова, В. Тендряков, К. Горбунов, И. Рябов, Б. Зубавин, Е. Дорош, К. Буковский, А. Шаров, Н. Четунова, И. Ирошникова, А. Письменный и другие.

В разделе «Наука и техника» будут опубликованы очерки и статьи А. Югова, Е. Строговой, О. Писаржевского и других авторов.

Альманах будет продолжать публикации записок новаторов, в которых рассказывается о достижениях в различных областях труда.

В 1953 году альманах ввел новый раздел — «Проблемы советского очерка». В 1954 году в этом разделе будет опубликована статья Б. Галина «Записки писателя-очеркиста», а также ряд других материалов.

Своими впечатлениями о жизни в странах народной демократии поделятся советские писатели и журналисты, побывавшие в этих странах.

Редактор альманаха Л. КУДРЕВАТЫХ

◇ ◇

Звезда ВОСТОКА

В 1954 году исполняется тридцатилетие Узбекской ССР, поэтому своей основной задачей мы считаем освещение успехов, достигнутых за годы советской власти, показ нового человека, воспитанного партией и правительством. Решению этой задачи будет подчинена работа всех отделов журнала.

«Звезда Востока» предполагает напечатать романы и повести о людях колхозной деревни: И. Рахима «Родники жизни» и И. Гуро «Наша гордость», Х. Назира «Звезды Кок-Арала», а также пьесы: Уйгуна, И. Уктамова, Туйгуна, Л. Аркадьева, киносценарий К. Яшена и В. Мильчакова, рассказы: А. Удалова, Р. Файзи, В. Костыри, К. Файзулина и С. Бородина, очерки о тружениках промышленности и сельского хозяйства. В план включены также произведения прогрессивных литераторов зарубежного Востока.

В отделе поэзии будут напечатаны новые поэмы Мирмухсина «Абдулла Набиев», А. Иванова «У снеговых Чаткальских гор», стихи и басни С. Абдукаххара, В. Липко, Р. Галимова, М. Бабаева.

Статьи о достижениях Узбекистана, о жизни стран зарубежного Востока готовит отдел публицистики. Ряд статей посвящается разоблачению происков американских империалистов на Востоке, борьбе с рецидивами буржуазного национализма. В новом году журнал намерен продолжить публикацию путевых заметок советских людей, побывавших за рубежом.

Расширится тематика отдела критики. Будут напечатаны статьи о влиянии русской литературы на узбекскую, о проблемах социалистического реализма, мастерстве драматурга, литературном переводе, творчестве писателей республики, рецензии на произведения, посвященные советскому и зарубежному Востоку, на новые произведения, выходящие в Узбекистане. Цикл статей посвящен актуальным вопросам узбекского искусства.

Журнал намечает провести читательские конференции в Ташкенте, Самарканде, Фергане, Бухаре, совещание с критиками и литературоведами в редакции.

Редактор журнала В. МИЛЬЧАКОВ

Председателю Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Председателю Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики

ТОВАРИЩУ МАО ЦЗЭ-ДУНУ

Дорогой товарищ Мао Цзэ-дун!

В день Вашего шестидесятилетия Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР шлют Вам, испытанному руководителю Китайской Коммунистической партии и вождю китайского народа, свой братский коммунистический привет.

Вся Ваша жизнь неразрывно связана с героической борьбой Коммунистической партии Китая за свободу и независимость китайского народа, увенчавшейся его великой исторической победой — созданием Китайской Народной Республики. Под руководством Коммунистической партии Китайское народно-демократическое государство вышло на мировую арену и стало могучей силой лагеря мира и демократии.

В суровые годы тяжелой борьбы против сил внутренней реакции и империалистического гнета и ныне, на посту Председателя Центрального Народного Правительства, Вы всегда отдавали и отдаете все свои силы служению народу, борьбе за торжество дела трудящихся, за социализм. Вы мудро осуществляете соединение марксистско-ленинской теории с практикой китайской антиимпериалистической революции, со строительством нового, народно-демократического Китая, творчески развиваете марксистско-ленинское учение, являетесь знаменосцем вечной дружбы китайского и советского народов.

От всего сердца желаем Вам, дорогой друг и товарищ Мао Цзэ-дун, многих лет жизни, сил и здоровья на счастье великого китайского народа, на благо и процветание Китайской Народной Республики, на благо мира во всем мире.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Кировцы в деревне

◇

А. САДОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

◇

Нину Федоровну Аверьянову я встретил на широкой улице Надболья, у магазина сельпо. Несколько покупательниц ожидали продавца. Колхозницы обступили женщину в драповом пальто, в ботиках и шерстяном платке.

— А в городе кем были?

— На Кировском, крановщицей.

— И у нас крановщицей?..

— У меня и другая специальность есть. Здесь токарем буду.

— Взаправду токарем?

— Полгода у нас проживете?.. Или сколько?..

Колхозницы расспрашивали Нину Федоровну при каждой встрече. Она на это не обижалась. Понятно, колхозники хотели узнать о ней все. Спрашивали, кто она родом, чем занималась, что думает об их колхозе.

Нина Федоровна гордится своими родителями. Федор Никанорович и Екатерина Терентьевна Быстровы — выходцы из деревни, из бедняков. Тридцать лет назад они поженились и вскоре уехали в Петроград. Поступили оба на Путиловский завод: отец — токарем, мать — электросварщицей.

В середине двадцатых годов в деревнях создавались первые ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли, а путиловцы изготовляли для них первые тракторы. Каждый трактор крепил дружбу города с деревней. Путиловцы получали письма с благодарностью, но приходили и жалобы. Жалобы читали на заводе с тревогой. Одно такое тревожное письмо пришло из Тамбовской области. Тамбовцы писали, что они приобрели для ТОЗа трактор, но техника их крепко подвела: «Путиловец» больше простаивает, чем работает.

В Тамбов направили Федора Никаноровича Быстрова. Он набил чемодан плоскогубцами, рашпилями, отвертками. Но дела на месте оказались не так плохи, как их обрисовали в жалобе. Трактор быстро исправили.

Посланец завода вернулся из поездки с новым письмом из тамбовского ТОЗа. В письме говорилось:

«Просим считать недействительной жалобу, отосланную 19 апреля 1925 года. Выносим заводу благодарность за присланный трактор и командированного товарища Быстрова Федора Никаноровича. Отныне борьбу за урожай будем вести совместно, как ТОЗ, так и завод «Красный путиловец». Да здравствует нерушимая во веки веков дружба рабочего класса с крестьянским классом! Правление».

***

...В Надболье кировцы поселились дружной семьей. Нина Федоровна, ее муж, автомеханик Сергей Васильевич Аверьянов, механик Федор Иванович Варзамаев, молодые супруги Котовы — электромонтер и медицинская сестра. Все это — новые работники Оредежской МТС Ленинградской области.

Они выросли в коллективе кировцев, который выдвигал передовых вожаков на всех этапах строительства новой деревни. Немалую часть «двадцатипятитысячников», направленных партией в деревню в период коллективизации, составили рабочие «Красного путиловца», ныне Кировского завода. Недаром героем выдающегося произведения о колхозной деревне явился слесарь Давыдов. Михаил Шолохов назвал точный адрес героя «Поднятой целины» — завод «Красный путиловец».

...А новые, недавно прибывшие на село люди, — станут ли они вожаками? Пока судить об этом рано: слишком малый срок провели они в Надболье. Но начали неплохо. Нина Федоровна задумала перенести в ремонтные мастерские скоростные методы обработки металлов. Она запаслась литературой, которую штудирует по вечерам. Ее муж Сергей Васильевич — механик автопарка МТС. По списку грузовых машин числилось одиннадцать, а на ходу было только две. Аверьянов за короткое время ввел в строй еще две автомашины.

— Работник вы живой, деловитый, — сказал ему однажды главный инженер МТС Прохоров,—но у вас есть еще и недостатки. Вот вы все «прошу» да «прошу», а ведь командиру на производстве нужно действовать по-иному...

Сергей Васильевич пожал плечами — трудностей не мало — шоферы постоянно в разъезде, людей не хватает; при ремонте постоянно приходится переносить с места на место тяжелые детали — и все на открытом воздухе. Тут надо воодушевить коллектив. Окриком не поможешь...

Федор Иванович Варзамаев отвечает за ремонт парка сельскохозяйственных машин. Федор Иванович в былые времена три года возглавлял бригаду слесарей на Кировском заводе. Его бригада ежемесячно перевыполняла программу в цехе, а здесь слесари не могут дать и ста процентов. Почему? Федор Иванович стал присматриваться. Он заметил, что за добрый час до обеденного перерыва слесари из мастерской все порывались куда-то уйти.

— Куда все поразбежались? — спросил он однажды пожилого слесаря Бирюкова.

— А вы сходите в общежитие, дырочки на кухне посмотрите, — ответил тот.

«Дырочки»? Федор Иванович пошел в общежитие. Десятки трактористов и комбайнеров толпились на кухне у единственной плиты с тремя «дырочками». Общественное питание в МТС не налажено; кто живет в общежитии, — сам себе повар. Каждый стремится пораньше захватить «дырочку» на плите, чтобы успеть приготовить суп, поджарить картофель с салом. Люди заняты мыслями о плите, вместо того чтобы думать о ремонте техники...

Через день-другой Федор Иванович и его друзья принялись наводить порядок в МТС. Их усилия в конечном счете увенчались успехом.

***

Мы поехали из Надболья в колхоз «Ленинский путь». Его обслуживает Оредежская МТС. Я встретился с агрономом и бригадирами полеводческих бригад. Шел разговор о причинах низких удоев на фермах, о повышении урожайности полей.

— Почему низкие удои? — с сердцем заговорила Екатерина Алексеевна Степанова, бригадир.— Где наши луга? По реке Оредеж. Но они все заболочены. Вместо 1.200 тонн сена мы заготовили только 800. Кормов недостает. Отсюда и удойность...

— А чем заняты мелиораторы?

— Заключают договоры с колхозами, а делать — ничего не делают...

Федор Иванович записывал все в свой блокнот. Надо наводить порядок в мастерских, чтобы к сроку подготовить технику для осушки лугов. Затем речь зашла о сочных кормах, о корнеплодах. Их попросту в колхозе не сеют.

— А помогла ли вам МТС?

— Вспашку, посев, обработку междурядий,— что положено, МТС выполнила...

— А корнеплодов все равно нет...

— Это верно,— вздохнув, проговорила Екатерина Алексеевна.— Мы, полеводы, виним во всем доярок, они винят нас. Мы говорим: вы за скотом ухаживаете, вы и корма заготовляйте. А они: нет, это ваше дело. Хозяина настоящего над кормами нет. На кормодобывании надо труда положить в десять раз больше, чем на полевых работах. Для ухода за корнеплодами надо создавать специальные бригады. А где взять людей для таких бригад? У нас их нет. МТС должна помочь в механизации кормодобывания...

И тут на помощь колхозам пришли кировцы. Недавно целая группа кировцев отправилась в подшефные МТС и колхозы: энергетик завода тов. Ягодкин, начальник цеха тов. Бовван, инженер-конструктор тов. Кют и другие. Гости осмотрели парниковые хозяйства, скотные дворы, силосные башни; вместе с колхозниками судили и рядили, что надо сделать, чтобы подшефные колхозы больше получали дохода от ферм. Они были и в Волосовском районе, и там выслушали почти то же, что нам пришлось услышать в Оредежском районе. Кормовые корнеплоды и там почти сплошь погибли на полях. Нет людей для организации специальных бригад.

— Мы оборудуем парники, — сказали кировцы. — Строительство их осуществим индустриальными методами.

— Большое спасибо, но людей от этого не прибавится...

— А доходность колхоза прибавится!.. Дальше. Мы переоборудуем клуб. Изготовим для клуба мебель. И это людей не прибавит, но посидеть в таком клубе, посмотреть спектакль, фильм будет приятно. Мы поможем переоборудовать фермы. Смонтируем узкоколейку для механизированной подачи кормов и вывозки навоза, наладим водоснабжение. А тех людей, которые освободятся у вас после этого, вы сумеете перевести на корнеплоды?

— Если программа будет выполнена, безусловно сумеем!

Коллектив Кировского завода уже выполнил большую часть этой программы дружбы, вся сила которой еще только начинает развертываться.

В Комитете по Сталинским премиям в области искусства и литературы при Совете Министров СССР

Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы принимает работы на соискание Сталинских премий за 1953 год.

К рассмотрению принимаются выдающиеся произведения искусства и литературы, получившие высокую оценку общественности, представляемые на соискание Сталинских премий общественными и творческими организациями, министерствами, ведомствами и научными учреждениями.

Предложения о присуждении Сталинских премий направлять до 1 февраля 1954 г. по адресу: г. Москва, проезд Художественного театра, д. 3-а, Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы при Совете Министров СССР.

Международные отклики

◇

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ

Как сообщалось в нашей печати, 23 декабря после тринадцати туров голосования в Версальском дворце французским президентом избран Рене Коти, вице-председатель Совета республики, представитель парламентской группы «независимых». Кандидатура Коти была выдвинута партиями центра и правого крыла парламента после тщетных попыток добиться абсолютного большинства для прежних кандидатов. Поражение на выборах понесли в первых же турах ярые сторонники «европейской армии» Дельбос и Бидо, а в последних турах — и французский премьер Ланьель, представляющий, как отмечает печать, интересы крупных французских промышленников.

Итак, президентские выборы во Франции остались позади. Но даже обозреватели буржуазных газет не решаются утверждать, что избрание президента разрядило напряженную внутриполитическую обстановку во Франции. Вашингтонский корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс отмечает, что в США рассматривают ход выборов, как «признак глубокого политического раскола во Франции, который может найти отражение в более длительной борьбе в январе по вопросу о создании нового правительства. Это сделало бы чрезвычайно затруднительным принятие окончательного решения о перевооружении Германии...»

Американская печать не случайно связывает события во Франции с вопросом о вооружении западногерманских реваншистов. Борьба в Версальском дворце шла, по существу, вокруг основных внешнеполитических проблем, стоящих перед страной,— подчиниться ли американскому диктату, поставив под угрозу независимость и безопасность Франции, или сохранить за ней положение великой державы, способной проводить внешнюю политику, отвечающую интересам нации. «Версальские выборы являются этапом современной истории,— пишет «Юманите».— В них нашла отражение неоспоримая политическая реальность: мощное оппозиционное движение по отношению к так называемой «европейской армии», движение, которое все более возрастает по всей стране. Это оппозиционное движение позволило нанести в ходе выборов новый удар боннскому и парижскому договорам...»

В этом отдают себе отчет и в Лондоне и в Вашингтоне. Характерно, что сейчас, после президентских выборов во Франции, в английской и американской печати широко обсуждаются дальнейшие перспективы «европейского оборонительного сообщества». Не скрывая краха надежд на скорейшую ратификацию военных договоров западноевропейскими парламентами, буржуазная пресса в США и Англии выдвигает видоизмененные проекты возрождения германского вермахта. С этой точки зрения интерес представляют высказывания влиятельного американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Журнал пытается убедить европейское общественное мнение, что во внешней политике США якобы произошло «изменение». Главное внимание теперь будет перенесено, как утверждает журнал, с перевооружения Западной Германии на создание «политического сообщества», то есть пресловутой «объединенной Европы».

Явно пытаясь успокоить общественное мнение Франции, возмущенное усиливающимся американским нажимом, журнал утверждает, что речь Даллеса «не была ультиматумом, как думали сначала». «США известили неофициально французских руководителей,— пишет журнал,— что, по их мнению, политическое примирение Франции и Германии нужнее,. чем перевооружение немецких войск. Французским руководителям было сказано, что США готовы согласиться сначала на создание Соединенных Штатов Европы из шести стран, а затем европейской армии...». Для того, чтобы придать большую убедительность своим словам, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» даже критикует госдепартамент за то, что он «совершил ошибку», требуя прежде всего перевооружения Западной Германии, поставив, таким образом, «телегу впереди лошади».

Смысл этих пропагандистских уверток нетрудно разгадать. Отвлечь внимание общественности западноевропейских стран от планов возрождения германского милитаризма — такова основная цель этих рассуждений. Кому не ясно, что и «европейское оборонительное сообщество» и различные варианты «объединения Европы» направлены на то, чтобы «не мытьем, так катаньем» сделать гитлеровский вермахт главной ударной силой агрессивного Атлантического блока?

К тому же последнее выступление Даллеса 22 декабря в Национальном клубе печати в Вашингтоне не оставляет никаких сомнений насчет истинной позиции государственного департамента США. Даллес в несколько иной форме повторил свои ультимативные требования Франции, намекнув на «другой выход», в случае если не будет ратифицирован договор о «европейском оборонительном сообществе». Что представляет собой этот «другой выход», поясняет в редакционной статье газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Она признает, что Даллес «повторил предупреждение по адресу Франции... Даллес, как и американские военные лидеры, твердо убежден в том, что западная оборона (на языке реакционной печати это слово давно стало синонимом агрессии. — **Лит.**) неосуществима без активного участия немцев».

Иными словами, «новые варианты», изыскиваемые Вашингтоном, призваны лишь усыпить бдительность народов западноевропейских стран. Но лихорадочные поиски новых путей и средств для реализации планов ремилитаризации Германии говорят о том, что сопротивление французского народа нанесло этим планам серьезный удар.

ЛИТЕРАТОР

Встреча Луи Арагона с советскими читателями

24 декабря в московском Доме актера состоялась читательская конференция по роману Луи Арагона «Коммунисты», организованная Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы и Домом актера Всероссийского театрального общества.

Конференцию открыл писатель Илья Эренбург. В обсуждении романа приняли участие литературоведы, студенты и аспиранты московских вузов, офицеры Советской Армии, рабочие и служащие.

Н. Немчинова рассказала о работе над переводом романа Луи Арагона. Участники конференции — инженер завода «Компрессор» Н. Вавилова, офицер И. Челышев, студентка МГУ А. Сукало и другие, отметив высокие идейные и литературные достоинства этого произведения, высказали и отдельные критические замечания. Т. Мотылева рассказала о большом интересе советской общественности к новому роману Луи Арагона, оценившей его как выдающееся событие в современной французской и мировой литературе.

Присутствовавший на конференции Луи Арагон поблагодарил читателей за высокую оценку романа и за их критические замечания. Писатель рассказал о своей работе над романом, который он начал писать еще в 1943 году в одной из французских деревушек, где скрывался от оккупантов. По просьбе собравшихся Луи Арагон прочитал несколько своих стихотворений.

Великий поэт Азербайджана

750-летию со дня рождения гениального азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви был посвящен вечер, состоявшийся в Большом зале Московской консерватории.

Открывая его, С. Щипачев охарактеризовал бессмертные творения поэта. Его гуманистические идеалы нашли свое отражение в поэме «Искендер-намэ», которая наряду с поэмами «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сокровищница тайн», «Семь красавиц», вошла в сокровищницу мировой литературы.

— Замечательный мастер стиха Низами, — сказал в своем докладе член-корреспондент Академии наук СССР Е. Бертельс, — вместе с тем и великий мыслитель, болевший душой за угнетенного человека. Творчество Низами близко и дорого всем народам нашей страны.

В заключение вечера состоялся концерт с участием мастеров искусств Москвы и Азербайджана.

ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО СОВРЕМЕННОМУ ПЯТИБОРЬЮ

В Москву из столицы Чили — Сант-Яго возвратилась советская спортивная делегация, которая принимала участие в работах конгресса Международного союза современного пятиборья (УИПМ).

Председатель Всесоюзной секции современного пятиборья мастер спорта О. Логофет в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» рассказал:

— Нам пришлось совершить большое путешествие протяженностью в 36 тысяч километров. Наш путь из Москвы в Сант-Яго лежал через Прагу, Париж, Мадрид, Дакар, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес. Обратный путь — через Гваякиль, Нью-Йорк, Глазго, Стокгольм и Хельсинки.

На конгрессе обсуждались новые правила соревнований. Решен был вопрос и о месте соревнований на первенство мира по современному пятиборью — они состоятся в будущем году в Будапеште. Были рассмотрены и другие вопросы.

После окончания конгресса мы присутствовали на всемирном чемпионате по современному пятиборью. Состязания проводились в декабре в курортном городке Рокас Санто-Доминго.

Встречи начались с конной скачки с препятствиями на пять километров. На другой день — фехтование на шпагах, затем скоростная стрельба из пистолета, плавание на 300 метров и кросс на 4000 метров. В этом труднейшем спортивном испытании победу одержал Г. Бенедек (Венгрия). Ему вручили золотую медаль чемпиона мира.

Бесспорные преимущества имели венгры и в командном зачете, но они были дисквалифицированы. Венгр Ташнади во время скачки проехал не между флагами, а мимо них. За эту допущенную одним спортсменом ошибку судьями весь коллектив венгерских спортсменов был лишен первого места. Нам думается, что подобная несправедливость может только помешать развитию современного пятиборья.

ВОЛЯ НАРОДА ВЫПОЛНЕНА

Советские люди с чувством глубочайшего удовлетворения встретили приговор Верховного Суда СССР

Усилим бдительность!

С пути советского народа сметена кучка презренных отщепенцев, пытавшихся посягнуть на советский строй, замышлявших восстановить в нашей стране господство буржуазии.

Воля народа исполнена!

На многолюдных собраниях, прошедших вчера в Ленинграде и Ленинградской области, рабочие и ученые, колхозники и инженеры, деятели искусства и культуры выразили свое глубокое удовлетворение действиями Верховного Суда СССР, сурово покаравшего заговорщиков и убийц. Этим единым, общим для всех чувством полны многочисленные выступления, короткие гневные строки резолюций, принятых участниками собраний.

На собрании, состоявшемся в Доме писателя имени В. В. Маяковского, ленинградские литераторы единодушно одобрили приговор, вынесенный банде предателей и выродков.

Выступавшие С. Бытовой, П. Далецкий, Н. Луговцов говорили о том, что каждый советский писатель должен быть зорким и бдительным, остро бичевать все отрицательное, что мешает советскому обществу двигаться вперед, оружием художественного слова участвовать в борьбе за построение коммунизма в нашей стране.

Всю свою творческую энергию, всю силу своего таланта должны отдать советские литераторы делу развития родной литературы, выполнению благородных, высоких задач, поставленных XIX съездом партии.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Партии нашей — великая благодарность

С чувством большого удовлетворения встретили украинские писатели вместе со всем украинским народом сообщение Верховного Суда СССР о вынесении приговора шайке предателей и убийц во главе с заклятым врагом советского народа шпионом Берия.

— Наймиты международного империализма, — сказал на собрании киевских писателей М. Бажан, — пытались посягнуть на самое дорогое и священное завоевание Великого Октября — дружбу советских народов. Но, как всегда, врагов советского народа настигло возмездие — банда Берия разоблачена и уничтожена. Такая кара ждет всех, кто попытается посягнуть на свободу и независимость нашей горячо любимой Отчизны.

— Изверг Берия и его сообщники, один из которых действовал на Украине, пытались уничтожить дружбу наших народов, — заявила в своем выступлении М. Пригара. — Змеиное жало вырвано с корнем! Нет такой силы, которая могла бы поколебать вековую дружбу советских народов, скрепленную кровью в борьбе за свободу.

П. Панч и Ю. Смолич говорили о том, что советские люди никогда не должны ослаблять революционную бдительность, всегда быть непримиримыми ко всем проявлениям вражеской идеологии.

Н. Шеремет и П. Ходченко благодарили в своих выступлениях Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет, бдительно стоящих на страже интересов народа и разоблачивших происки заклятых врагов.

В резолюции, принятой на собрании, киевские писатели горячо одобряют приговор Верховного Суда СССР.

КИЕВ. (Наш корр.)

Заслуженная кара

Прочитан приговор суда, и легче вздохнулось. Проклятые народом изверги — Берия и его банда — получили по заслугам. Они уже не отравляют чистого воздуха нашей Родины.

Сегодня я шел по улицам светлого, жизнерадостного Минска, любовался новыми прекрасными домами и дворцами. Любовался и радовался — нет уже тех, кто замышлял продать эти создания народа.

Я шел по улицам Минска и видел товарищей, отъезжающих на работу в колхозные села. С каким вдохновением они берутся за работу! Их ждет народ. Я думал об этом, и предо мной раскрывалась беспредельная ширь колхозных полей с тысячами тракторов и комбайнов на них. Миллионы колхозников из года в год укрепляют свое хозяйство. Я счастлив — нет уже тех, кто хотел вернуть и вновь посадить пана на спину нашему крестьянину.

Я прошел мимо школы. Сотни ребятишек с сумками в руках выбегали из красивого здания. Как радостен их многоголосый хор! На сердце счастье — нет уже тех, кто хотел оставить наших детей навек темными, безграмотными и превратить их в рабов.

Я шел и думал о своих друзьях. Их много у каждого советского человека. Много их и у меня. Я думал о друзьях в Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе, Тбилиси, Риге и еще во многих уголках нашей родной страны. Я чувствовал их мысли, слышал биение их сердец,— мы радовались вместе: нет уже тех выродков, которые хотели разорвать нашу дружбу, посеять раздор между народами, поссорить белорусов, украинцев, грузин, литовцев с нашим другом — великим русским народом. Наша дружба растет и крепнет. Она нерушима. А тот, кто посмел поднять руку на народ, получил от народа заслуженную кару.

Гордость наполняет наши сердца. Гордость за наш великий и мужественный советский народ, за наше родное правительство, за нашу могучую, непоколебимую Коммунистическую партию, за ее мудрый Центральный Комитет.

Петрусь БРОВКА

МИНСК

Нерушимо могущество нашей Родины!

Неиссякаемой, великой любовью к Родине проникнута вся жизнь советских людей. Укреплению могущества социалистического государства самоотверженно отдают они свой труд, свою энергию, все свои способности и таланты.

Нет более тягчайшего преступления, чем измена Родине. И нет ничего гнуснее и омерзительнее предателя. Испепеляющий гнев и проклятие народа — вот что неминуемо ждет изменника, и как бы ни маскировал он свои преступные замыслы, ему не избегнуть самой суровой кары.

С огромным удовлетворением встретили все советские люди приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу предателя Берия и участников сколоченной им изменнической группы заговорщиков — Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Влодзимирского. Приговорив подлых изменников Родине к высшей мере наказания — расстрелу, советский суд выполнил единодушное требование народа.

Чудовищные злодеяния совершили Берия и его сообщники. Предавая и продавая интересы нашей страны, заговорщики покушались на великие завоевания советского народа. Они ставили своей преступной целью использовать органы МВД против Коммунистической партии и правительства СССР для того, чтобы захватить власть, ликвидировать советский рабоче-крестьянский строй и восстановить в нашей стране господство буржуазии, реставрировать капитализм.

Кому служили эти подонки человеческого рода, по чьей указке они действовали, на чью помощь надеялись? Как установлено предварительным и судебным следствием, Берия и его подручные, лишенные какой-либо социальной опоры внутри Советского Союза, рассчитывали на поддержку заговора реакционными империалистическими силами из-за рубежа. Презренные изменники и предатели Родины действовали как агентура международного империализма.

Потеряв всякое подобие человеческого облика, злодеи не останавливались перед совершением террористических убийств тех работников, со стороны которых опасались разоблачений. Истребление кадров, преданных делу Коммунистической партии и советской власти, входило в гнусные планы этой шайки предателей.

Долгое время заговорщики ухищрялись всячески маскировать изменнические замыслы и подлые, грязные дела. Они затаились, усилили свою вражескую работу после кончины И. В. Сталина, когда международная империалистическая реакция активизировала подрывную деятельность против Советского государства. Подгоняемые своими хозяевами, заговорщики пытались подорвать основу силы и крепости советского строя — союз рабочего класса и крестьянства, стремились подорвать колхозный строй и создать в стране продовольственные затруднения. Они предприняли попытки оживить в союзных республиках остатки буржуазно-националистических элементов, посеять вражду и рознь между народами Советского Союза и в первую очередь подорвать их дружбу с великим русским народом.

Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли решительные меры к тому, чтобы навсегда пресечь вражескую деятельность заговорщиков.

Дело Берия и его шайки закончено. Советский суд приговорил предателей Родины к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Полный крах злодейских замыслов группы антисоветских заговорщиков — яркое свидетельство непреоборимой силы и крепости нашего государства, силы и крепости советского строя. Пусть видят и знают те, кому холуйски служили разоблаченные ныне предатели и шпионы, что все их попытки ослабить мощь Советского государства обречены на провал.

Советский народ единодушно одобряет приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу изменников Родине — Берия и его сообщников. К этому всенародному одобрению справедливого приговора предателям присоединяют свой голос и советские писатели.

Все народы нашей великой страны полны решимости умножить усилия в борьбе за дальнейший рост могущества родного Советского государства, за осуществление выработанной партией политики, как зеницу ока, беречь и укреплять союз рабочего класса и крестьянства, дружбу народов СССР, еще выше поднять революционную бдительность — это испытанное наше оружие в борьбе против всех и всяких врагов социалистической Родины. Дело Берия и его сообщников снова напоминает о том, что, пока существует капиталистическое окружение, неизбежны и попытки забрасывать к нам шпионов и диверсантов извне, и попытки использовать в антисоветских целях отдельных отщепенцев, носителей буржуазной идеологии, перерожденцев.

В воспитании наших людей в духе высокой революционной бдительности, в духе безграничной преданности Родине, делу коммунизма большую роль призваны сыграть советские писатели. Правдиво, в яркой художественной форме отображать нашу советскую действительность, страстно поддерживать все новое, передовое, беспощадно разоблачать все чужое, мешающее нашему движению вперед, создавать произведения, помогающие народу строить коммунизм,— что может быть благороднее и почетнее этой задачи!

Где бы ни проходили собрания трудящихся — на крупнейших ли предприятиях столицы или в далеком колхозе, в научном институте или воинской части, в коллективе работников машинно-тракторной станции или в писательской организации,— все они говорят об одном: велика и могуча сила сплоченности советских людей вокруг партии и правительства, велика и могуча сила нерушимого единства партии, правительства и народа!

В этом единстве — залог неуклонного роста могущества нашего государства, залог дальнейших успехов в борьбе за коммунизм.

Изменники и их хозяева просчитались

Страна наша одержала еще одну победу над черными силами международной реакции — уничтожена мерзкая кучка изменников, агентов иностранного капитала.

Подумать только, какую судьбу готовил нашим свободным народам кровавый авантюрист Берия, этот растленный отщепенец и честолюбец. Революционная бдительность Коммунистической партии, ее ЦК разоблачила планы изменников.

Когда сравниваешь контрреволюционные группировки Райка, Костова, Дзодзе, Гомулки и других с заговорщиками из банды Берия, бросается в глаза сходство их методов, их приемов. Все они, ползком, обманным путем пробравшиеся в ряды коммунистических партий, на высокие посты, стремились в первую очередь прибрать к рукам карательные органы, превратить эти органы пролетарской диктатуры, призванные охранять интересы народа от посягательств классового врага, в орудие борьбы с народом, с Коммунистической партией, с народным правительством. Гнусные интриги, провокация, клевета, истязания, убийства преданных революции деятелей, террор — ничем не гнушались наймиты иностранных разведок.

Таким наймитом был и предатель Берия. Долгие годы вел он свою тайную, отвратительную «работу», ожидая удобного момента для того, чтобы надеть капиталистическую петлю на шею советскому народу.

Просчитался Берия, просчитались его хозяева! Народ раздавил ядовитую гадину.

Огромная ответственность за воспитание в советских людях чувства острой революционной бдительности ложится и на нас, писателей. Мы обязаны в своих произведениях показывать жизнь во всей ее сложности, не скрывая ее противоречий, острой борьбы нового со старым. Лакировка действительности, которой грешат многие из нас, приносит огромный вред. Мы обязаны разоблачать всех и всяческих врагов, смело срывать с них маску!

О. МАЛЬЦЕВ

Акт гуманизма

Нет в мире людей более гуманных, чем советские люди. Нет в мире законодательства более справедливого, построенного на высших принципах гуманизма, чем наше законодательство.

Но есть преступление, которое никогда и никому не прощает советский народ. Это измена, предательство — гнуснейшие порождения общества, построенного на эксплуатации человека.

Когда читаешь приговор, вынесенный Берия и его шайке, знаешь, что это приговор народа, это и твой приговор, и приговор твоих товарищей, которые с содроганием и отвращением читали перечень преступлений изменников. И встречаешь этот приговор, как величайший акт гуманизма, как волю всего народа.

Вынеся этот приговор, приведя его в исполнение, мы стали еще сильнее. Стерев с лица земли гнусных предателей, советский народ идет своим путем, путем строительства коммунистического общества. На этом пути—миллионы героических поступков и славных дел, величайшее самопожертвование и благородство. Кого предавали подлые заговорщики? Того, кто в годы гражданской войны отдавал кровь свою и жизнь для счастья будущих поколений. Того, кто строил первые магнитогорские домны. Того, кто во время Великой Отечественной войны грудью защищал свою Родину. Того, кто работает, строит, живет, дышит святым делом строительства коммунизма.

Уничтожить тех, кто посягал на счастье миллионов,—не есть ли это высочайший гуманизм!

Впереди у нас много работы. Впереди много радостных, но не легких дел строительства новой жизни. Зная, что подлая нечисть сметена и уничтожена, мы еще увереннее пойдем вперед по прекрасному пути, намеченному великой Коммунистической партией.

Елена КАТЕРЛИ

ЛЕНИНГРАД

Проклятие злодеям

Одним из страшнейших преступлений злодея Берия являлась попытка подорвать дружбу наших народов. Этот чудовищный замысел, как и все преступные планы шайки заговорщиков, был разоблачен нашей мудрой партией.

Мой трудовой киргизский народ только при помощи русского народа, только при советской власти получил свою государственность. Мы приобщились к великой социалистической культуре. Народ, еще недавно не имевший своей письменности, теперь располагает вузами и научными институтами, выдвинул и выдвигает своих ученых и писателей, артистов и композиторов, архитекторов и инженеров, врачей и агрономов. И все это благодаря ленинско-сталинской национальной политике нашей партии, благодаря помощи русского и других братских народов.

Берия и его помощники, лакеи предателя, гневом наших народов, волей наших народов уничтожены. Пусть же их имена будут прокляты!

Аалы ТОКОМБАЕВ

гор. ФРУНЗЕ

Во имя счастья любимой Отчизны

Империалисты превратили пот и кровь порабощенных ими людей в золото и на него скупают человеческое отребье, чтобы использовать его для активных действий против свободной Советской страны. Они по всей земле выискивают предателей, убийц, авантюристов и посылают их на черные, кровавые дела.

Такими наемными бандитами империализма были злобные враги советского народа и всего прогрессивного человечества — Берия и его подручные. Хитро маскируясь, они в течение многих лет систематически совершали отвратительные кровавые преступления.

Они стремились поставить себя над нашей любимой Коммунистической партией, над нашим родным правительством, пытались подорвать великую дружбу советских народов. Эти изверги стремились помешать проведению в жизнь решений партии, продиктованных неустанной заботой о человеке. Словно хищные звери, выжидающие удобного момента для нападения, эти подонки готовились к прыжку, чтобы захватить власть и обрушить на советский народ неисчислимые бедствия.

Но бесславный конец всегда ждет тех, кто пытается стать на пути народа. Народ никому не позволит посягать на то, что для него дорого и свято. Мы с радостью узнали, что злодеи получили по заслугам.

Советский человек спокойно продолжает свой мирный труд. Он спокоен за свое будущее, за счастье своих детей.

Арвид ГРИГУЛИС

РИГА

Рухнули коварные замыслы предателей

С чувством величайшего удовлетворения мы, казахские писатели, встретили приговор суда по делу изменников Родине — Берия и его сообщников. Презренные предатели, шпионы и убийцы понесли заслуженную суровую кару. Еще раз рухнули коварные замыслы врагов, мечтавших о реставрации капитализма в нашей стране, пытавшихся внести разлад в семью народов Советского Союза.

Нет! Никогда не бывать этому! Никогда и никому не удастся нарушить великую дружбу наших народов. В одном могучем строю, плечом к плечу, во главе с русским народом мы уверенно идем к коммунизму.

Опубликование материалов о подлых изменниках показало нам, что мы должны быть еще бдительнее к проискам врагов, должны еще решительнее бороться со всеми проявлениями буржуазной идеологии, с малейшими проявлениями буржуазно-националистических настроений.

Мой казахский народ, вместе со всем советским народом, единодушно одобряет и приветствует решение суда, выражает горячую любовь к Советскому правительству, к Коммунистической партии и ее Центральному Комитету.

Габиден МУСТАФИН

АЛМА-АТА

В дружбе народов — неодолимая сила

Из окон моей квартиры виден таллинский морской порт. Я люблю наблюдать за деятельной жизнью, царящей там. Какие только грузы не прибывают в порт! Автомобили, станки, сельскохозяйственные машины, лес, уголь... Я долго смотрю, как происходит разгрузка этих богатств, и мне кажется, что до меня доносятся сотни дружеских голосов из Москвы, Ленинграда, Донбасса, Минска, Алма-Аты, Новосибирска, Челябинска: «Цвети и крепни, дорогая Эстония!»

Это голоса дружбы. Нет и не может быть чувства прекраснее, выше и светлее, чем дружба, братскими узами скрепляющая наши народы. Силу стране, крепость народу, победу — все дает эта дружба.

И на это величайшее счастье народов, на священнейшее из всех чувств, на братскую дружбу задумал посягнуть шпион и изменник Берия.

Гнев и ненависть охватили трудящихся моей родной Эстонии, когда они узнали о злодеяниях Берия и его бандитов.

Наш советский суд, в точном соответствии с волей народа, покарал изменников Родине.

Предатели уничтожены. Враги нашей страны еще остались. Поэтому — да будет все крепче и сильнее нерушимая дружба народов!

Дебора ВААРАНДИ

ТАЛЛИН

Справедливейший приговор

Есть у нас, в Татарии, старинное поверье о змее, который меняет свое обличье и совершает неслыханные злодеяния. Берия — такой ядовитый змей, принявший человеческий облик и стремившийся ужалить советских людей в самое сердце: он покушался на нашу Коммунистическую партию, на Советскую власть.

Берия и его шайка замахнулись на нашу свободу и независимость, посягнули на самое дорогое для советского человека—на дружбу, на великое братство народов нашей любимой социалистической Родины.

Советская Татария растет и крепнет при заботливой помощи и мощной поддержке всех народов СССР и прежде всего великого русского народа. На многочисленных новостройках Татарии, у нефтяных вышек и промыслов звучат песни армян, узбеков, башкир и представителей многих других национальностей.

Поганое чудовище обезврежено, советская земля по воле народа очищена от мерзких и подлых наймитов.

Им — гибнуть. Нам — созидать и радоваться. Только так!

Гумер БАШИРОВ

КАЗАНЬ

Фильм о вдохновенном труде

Б. АГАПОВ

Небольшая группа людей со знаменем и портретами Ленина и Сталина быстро идет по мосткам. Из всех праздничных демонстраций трудящихся, снятых в документальном кино, это — самая скромная. А зрительный зал гремит аплодисментами.

Почему?

Всякий, кто видел фильм «Повесть о нефтяниках Каспия», без труда ответит на этот вопрос. Однако ответ стоит обосновать, следует сделать и выводы.

* *

Три года тому назад в журнале «Новый мир» появился очерк И. Осипова под немного старомодным, но завлекательным названием «Остров семи кораблей».

С первых страниц этого очерка читатель уже охвачен романтикой моря, штормов, борьбы со стихией. Грохочут валы, налетая на пирсы, ревет ветер в антеннах, несутся по радио сигналы об авариях, запросы о людях, приказы...

И среди людей, спасающих жизни других, спасающих корабли,—такой же мокрый, как все, еще более оглушенный, чем все,— человек, оберегающий от брызг свой блокнот, хватающий на карандаш все слова, потому что выдумать их потом будет невозможно, и вбирающий в память все лица, все детали обстановки, потому что они неповторимы.

Очеркист — не моряк, не геолог, не нефтяник, но в очерке его будут говорить и действовать эти люди, причем захваченные в самом пекле работы, и, значит, надо наговориться с ними, наслушаться их, а когда ничего не слыхать,—наглядеться, а если ничего не видать,—все узнанное обдумать, всему найти место и все понять не только как факт, но как образ...

История того, как возникли промысла в открытом море, есть история столь сложная, что надо изучить сотни документов, опросить множество людей, чтобы с точностью восстановить все ее этапы.

Технологические процессы, биографии людей, исторические экскурсы, литературные портреты — все должно быть не только правдоподобно и не только художественно, но и научно точно!

Так эпизод за эпизодом, диалог за диалогом создавался документальный очерк. Тема его — люди и стихия. Героизм, изобретательность, упорство советских людей, задумавших и осуществивших удивительный проект: создать в море искусственные острова и качать нефть с морского дна!

Очерк получился удачным. И. Осипов раскрыл перед читателем малоизвестную страницу жизни советского рабочего класса, показал увлеченность советских людей великим делом созидания, дал почувствовать ту особую обстановку, в которой работают наши люди,—обстановку заботы о человеке даже в самых трудных условиях борьбы со стихией.

Прошло около трех лет, и Бакинская киностудия предложила писателям И. Осипову, И. Касумову и кинорежиссеру Р. Кармену написать документальный сценарий на ту же тему.

Это произведение в три печатных листа значительно отличалось от очерка. Тут появились и другие люди, и другие события, однако дух «Острова семи кораблей» сохранился в сценарии, многие эпизоды повторяли очерк.

Наконец, Роман Кармен создал фильм, который теперь мы видим на экранах Москвы. Этот фильм отличается от сценария— многие события, которых не могли предусмотреть авторы и которые произошли в период съемки, были введены в фильм и украсили его. Отличие состоит и в том, что новые детали, которых в сценарии не было и которые наблюдал режиссер, вошли в фильм как средство для раскрытия характеров и идей, намеченных в сценарии.

Однако, каковы бы ни были различия между очерком, сценарием и фильмом, очерк и сценарий помогли режиссеру глубже вникнуть, вжиться в тему, найти пути к проникновению в души героев. Они были основой фильма, заключали в себе ту атмосферу, которая наполнила фильм, составили человечное, романтическое содержание фильма. Очерк и сценарий помогли режиссеру познать тему, то есть уберегли его от штампа.

Что такое штамп в документальном кино?

Штамп — это незнание. Если бы сущность вещей, правда о человеке были видны сразу, являлись нам непосредственно, ученым и художникам нечего было бы делать на свете. Чтобы обнаружить связь вещей, их особенности, неповторимые признаки, нужно усилие духа, напряжение таланта. Только тогда начинаем мы прозревать за внешностью явления его сущность, за зримым обликом человека — его душу. А раз это происходит, как же может возникнуть штамп?

Наоборот, когда художник не открыл сущности изображаемого, он невольно рисует его в наиболее частых, наиболее обычных проявлениях, и мы с досадой отвергаем такое искусство, как шаблонное.

В картине о нефтяниках нет штампа, потому что есть глубокое знание жизни, есть понимание духовного мира героев, есть большая мысль.

Всегда ли наблюдаем мы это в документальных фильмах? К сожалению, далеко не всегда. Наша печать не раз критиковала документальную кинематографию за штамп, за однообразие. Суровой критике подвергались фильмы, снятые только во имя красивости и далекие от подлинного знания действительности.

Фильм Бакинской студии бросает вызов всякому верхоглядству в документальном кино, всякому сиропу, всякой «липе».

Начиная от очерка «Остров семи кораблей» и кончая съемками картины, усилия и талант авторов были направлены к тому, чтобы постигнуть возможно глубже творческий подвиг каспийцев. И они достигли своей цели.

На эту благородную, фундаментальную основу глубокого знания было наложено искусство режиссера и оператора.

Роман Кармен — мастер особого профиля, среди документалистов — один из очень немногих. Он — журналист блокнота и пленки. Монтажная фраза и фраза в газете ему одинаково близки. Вместе с тем он оператор, один из лучших в Союзе. Все это сочетается со стремительностью в работе, смелостью поисков, жадностью к новому. К недостаткам Кармена, как мне кажется, относится то, что навеяно дурными традициями, которые еще ютятся в нашем документальном кино,— я имею в виду падкость до красивости, некоторое стремление к своего рода живописному сентименту. Примером этому является в новом фильме хотя бы песня, которую поет Рашид Бейбутов. Вокально хорошо исполненная, эта теноровая «хорошенькая» песня, однако, совсем не вяжется с суровым величием и мужественной дерзостью подвигов, воспетых в фильме. Может быть, это последняя дань Кармена сиропным традициям, и его мужественный реализм, утвердивший себя в каспийском фильме, пойдет дальше, навсегда отбросив дамские бантики?

Реализм Кармена вооружен безошибочной операторской техникой и режиссерской изобретательностью. Картина снята и смонтирована так, что кажется, будто невидимый и невесомый кинооператор, плавая по воздуху с любой скоростью, проникал в окна домов, садился на мачты кораблей, во время шторма пролетал между сваями искусственных островов и даже нырял под воду, всегда чудом поспевая к самым интересным событиям.

Но этот высший класс искусства кинодокументалиста — не главное, хотя и необходимое в фильме.

Каких людей видим мы на экране!

Богатыри в сверкающих клеенчатых доспехах, с движениями быстрыми и сильными, с лицами, полными страстных чувств, — они предстают перед нами, как братство могучих, для которых борьба — это жизнь. Есть ли в них красивость? Куда там! Они испачканы нефтью, опалены солнцем, вымочены волнами и дождями. Их черты искажены усилиями, их глаза сверкают гневом и решимостью. И когда после великих трудов и бессонных ночей долгожданная нефть рванулась из недр и люди погружают в нее руки и вдруг в порыве счастья мажут друг другу щеки черной желанной гущей,— тут-то о них и шепчет зритель:

— Вот это — красота!

Ага Курбан Алиев. Геолог. Лицо, опаленное страстью исследователя, глаза, будто пронзающие взглядом толщу земли... Он весь — как натянутая пружина. И как же хорош он, когда радость удачи охватывает его и он бросается к друзьям в порыве счастья.

Михаил Павлович Каверочкин. Известный буровой мастер. Широкоплечий, широколицый, не первой молодости, спокойный человек. Вот он сидит, покуривает, смотрит вниз, думает... «Сохранилась ли нефть под этими скалами?». Улыбка чуть трогает его загорелое, обветренное лицо.

Вот он возле своей буровой рядом с помощниками и учениками. Поглядывает на ротор, выслушивает мнения...

Это — портрет. Глядя на него, понимаешь, как много еще таится в возможностях кинопортрета! Глядя на него, знаешь, что большая жизнь вмещена в этом человеке и большая сила исходит от его спокойствия и поднимает дух окружающих. По праву, а не по прихоти режиссера выступает Каверочкин в финале фильма и в простых, скромных словах подводит итог всем делам своих товарищей на новых морских промыслах.

Сколько пережили они, как потрудились! Были и штормы, когда тело корабля становилось почти вертикально и страшно нависало потом над пучиной,—и зритель видел это!

Были и пожары, когда море пылало вокруг буровых, грозя сжечь и людей и все ими созданное,— и зритель участвовал в яростной битве с огнем! Были и такие адовы часы, в которых минута была ценнее, чем иные сутки, когда пришлось бы нефть спустить в море, если бы сварщики не успели закончить новые резервуары... — и этому тоже зритель был свидетель!

Да, нелегко дались красивые домики на стальных сваях посреди морского простора, уютные рестораны, ласковая тишина клуба!.. Теперь, посмотрев фильм, мы знаем, чего стоили эти фантастические города над морской синевой, какой борьбой, каким взлетом человеческой силы они созидались. Мы в зрительном зале узнали цену этих усилий и полюбили людей, показавших пример мужества, стойкости и веселости духа. Не готовый результат, а историю его от первых шагов по пустынной морской скале проследили мы, и потому...

Вот потому-то, когда в финале фильма его герои небольшой группой в праздник Первого мая идут по дощатой улице, висящей над морем, и несут алые знамена своего коллектива,— зал разражается аплодисментами, хотя на экране — самая скромная из первомайских демонстраций, когда-либо снятых в кино.

Благодаря глубокому знанию и таланту творцов фильма перед зрителем раскрылась сущность того, что произошло на Каспийских промыслах, — великая сила патриотизма, героизм и вера в будущее советских людей преодолели все препятствия суровой и враждебной природы.

«Повесть о нефтяниках Каспия». Новый художественно-документальный фильм. Сценарий И. Осипова, И. Касумова, Р. Кармена. Режиссер-оператор Р. Кармен. Операторы Д. Мамедов, А. Зенякин, С. Медынский. Подводные съемки Ф. Леонтович. Композитор Кара Караев. Производство Бакинской студии художественных и хроникальных фильмов.

Вечер памяти А. Малышкина

Писательская общественность Москвы отметила 15 лет со дня смерти А. Малышкина.

К. Федин, открывая вечер в Центральном доме литераторов, охарактеризовал автора книг «Севастополь» и «Люди из захолустья», как замечательного русского писателя, одного из зачинателей советской литературы, мастера реалистического письма. Честным, строгим художником, решавшим в своих произведениях важные проблемы современности, назвал А. Малышкина в своем выступлении В. Ермилов, давший литературный портрет писателя.

В. Иванов, К. Паустовский, Л. Никулин, В. Лидин, В. Перцов, В. Инбер поделились своими воспоминаниями о А. Малышкине.

На Ленинградском фарфоровом заводе имени М. В. Ломоносова изготовляются уникальные вазы с видами городов и живописных мест нашей Родины. Вазы предназначены для украшения общественных зданий Москвы. На снимке (на переднем плане): **художник В. М. Городецкий расписывает вазу «Карелия».**

Фото В. Федосеева

Певец трудового народа

Нет никого в Эстонии, начиная с самого маленького школьника и кончая древним стариком, кто не знал бы, как жили и трудились, страдали и радовались герои народного эпоса «Калевипоэг» и «Старинных эстонских народных сказок», собранных и творчески переработанных выдающимся эстонским общественным деятелем, писателем и фольклористом Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом.

Демократ и патриот, просветитель Ф. Р. Крейцвальд занимает виднейшее место в истории эстонской общественной мысли XIX века; он основоположник эстонской национальной литературы, создатель эстонского литературного языка, основатель эстонской фольклористики.

Решающее воздействие на формирование его мировоззрения оказали политическая обстановка в Эстонии в середине прошлого века, отмеченная нарастанием крестьянских волнений, и передовая русская культура, особенно деятельность революционных демократов Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Крейцвальд не сумел разделить во всей полноте взгляды русской революционной демократии. Но его заслуги в развитии эстонской демократической культуры и прогрессивной общественной мысли исключительно велики.

Основное, что характеризует облик Крейцвальда,— заботливый интерес и пламенная любовь к народу, к его судьбе, жизни, культуре.

Первые же статьи Крейцвальда, опубликованные в издававшемся в Тарту на немецком языке журнале «Инланд», рассказывали о тяжелом положении крестьян, о народном быте и нравах. Эти горячие статьи пробуждали чувство национальной гордости, но они не доходили до народа, становились известными только в кругах эстонской интеллигенции. И Крейцвальд боролся за создание литературы, которая была бы доступной самым широким слоям трудящихся. Около тридцати лет он редактировал «Крестьянский полезный календарь»; был издателем альманахов «Муравей», «Мир и кое-что из того, что в нем находится». Эти издания имели большое общественное значение: они правдиво отображали положение угнетенного крестьянства, распространяли в народе просвещение, помогали борьбе против суеверий и религиозного ослепления.

В эти же годы Крейцвальд заложил основы эстонского литературного языка. В многочисленных полемических статьях писатель убедительно показал, что борьба за общенародный язык и единое правописание тесно связана с антикрепостническим и национально-освободительным движением.

Но самая важная заслуга Крейцвальда во всей его многообразной деятельности— это творческая обработка эпоса «Калевипоэг» и «Старинных эстонских народных сказок».

«Калевипоэг» вошел в сокровищницу мировой культуры наряду со «Словом о полку Игореве», «Калевалой», «Давидом Сасунским» и другими произведениями народного творчества. На основе устных преданий, сказаний, песен о Калевипоэге Крейцвальд создал единое, цельное самобытное произведение со стройным сюжетом.

Первое издание «Калевипоэга» появилось в 1857—1861 гг. Вышло оно с многочисленными цензурными сокращениями и было сразу же осуждено реакционной критикой. Поддержку и благожелательную оценку своей работы Крейцвальд получил в России. В 1859 году, находясь в Петербурге, Крейцвальд писал, что там, в передовых кругах, «господствует больший интерес к эстонскому языку и литературе, чем в нашей провинции».

Реакционная эстонская критика не раз пыталась «ниспровергнуть» эпос. Один из «исследователей» Ю. Аавик прямо писал, что «Калевипоэг» является якобы символом «эстонского убожества, нищеты, прозябания, вялости, небрежности, безвкусицы и плохого знания языка». Но отображенная в «Калевипоэге» правда жизни была непобедимой. Книга Крейцвальда быстро завоевала любовь народа и оказала огромное прогрессивное влияние на развитие в Эстонии общественной мысли и литературы. Передовые люди прошлого столетия — художник И. Келер, публицист К. Р. Якобсон, поэт А. Рейнвальд—работали под сильнейшим влиянием этого народного эпоса. «Калевипоэг» был любимой книгой передового эстонского писателя-реалиста Э. Вилде, им зачитывался первый руководитель эстонских большевиков революционер В. Кингисепп.

Основное в «Калевипоэге» — это любовь к родине, защита интересов трудового народа. Прославлением борьбы против насилия, рабства, бесправия, борьбы против отечественных угнетателей и чужеземных захватчиков насыщена вся книга. Поединок Калевипоэга с Рогатым — один из центральных эпизодов эпоса — символически воплощает борьбу народа против крепостнического строя, против прибалтийских баронов.

Важное место в «Калевипоэге» занимает тема дружбы эстонского и русского народов. Уже во вступлении к поэме Крейцвальд подчеркивает историческое значение воссоединения Эстонии с русским государством. Рисуя тяжелое прошлое эстонского народа, Крейцвальд восклицает:

Таково былое эстов
До времен, когда Россия
Под своим крылом могучим
От врагов нас защитила!

Калевипоэг неоднократно переправляется через Чудское озеро к русским соседям-друзьям, чтобы принести из Пскова доски для строительства городищ и укрепления родной страны против западных захватчиков.

Заботливое сохранение всех мотивов народного эпоса, связанных с прославлением исторически сложившейся дружбы эстонского и русского народов, приобретало особенно актуальное звучание в борьбе Крейцвальда против реакционных идеологов — И. Яннсена, К. Кэрбера и других, пытавшихся изолировать эстонский народ от русского, проповедовавших «неизбежную» ассимиляцию эстонского народа немцами.

Калевипоэг — крестьянский богатырь, человек необычайной физической и духовной мощи. Он мудр и справедлив, смел и настойчив. Он самоотверженный труженик и отважный защитник угнетенных. В образе Калевипоэга народ воплотил свое представление об идеальном положительном герое. И нам, эстонским писателям, в нашем неустанном стремлении показать подлинного положительного героя наших дней нужно учиться мастерству у Крейцвальда.

Мы обязаны упорно и пристально изучать секреты непреходящего художественного воздействия «Калевипоэга» на читателей, стремиться к созданию образов, способных на долгую и славную жизнь, какой живут герои книг Крейцвальда.

Второе монументальное создание Крейцвальда — «Старинные эстонские народные сказки», изданные полностью в 1866 году.

В содержании сказок, в характере их творческой обработки ярко проявляется облик Крейцвальда, просветителя, демократа, который горячо ненавидел крепостничество и все его проявления, пламенно стремился к свободе, неустанно защищал интересы народных масс, страстно боролся против церковников, против религиозного мракобесия.

Во многих обработанных Крейцвальдом сказках классовые противоречия показаны совершенно обнаженно, без аллегорической завесы. Как непримиримые противоборствующие силы, стоят друг против друга — жадный, жестокий помещик, дерущий с народа семь шкур, скупая хозяйка, притесняющая сироту, ненасытный и глупый пастор, и, с другой стороны, батраки, пастухи, крестьяне, люди труда, безжалостно угнетаемые, но все более страстно желающие сломить несправедливость, сбросить оковы, добиться свободы.

В сказках Крейцвальда ясно проявляется оценка, данная трудовым народом многим жизненным явлениям. В них видны чистые моральные устои народа, житейская, передаваемая из поколения в поколение народная мудрость. Все сказки написаны с высоким художественным мастерством, которому все мы должны учиться. Мы в наших произведениях должны постоянно добиваться такой же страстности в выражении любви и ненависти, такого же умения быть актуальными даже в произведениях, далеких по тематике от современности.

Почти всю свою жизнь Крейцвальд писал стихи. Его поэтическое наследие не велико, многие рукописи не сохранились. Наследие это меньшего значения, чем «Калевипоэг» и сказки. Но вышедшая в 1865 году книга Ф. Р. Крейцвальда «Песни Вируского поэта» была первым эстонским демократическим сборником стихов. Книга дошла до широких масс читателей и была для эстонских современников Крейцвальда образцом писательского, поэтического мастерства.

Крейцвальд хорошо понимал общественное значение литературы, ясно сознавал большие и благородные обязанности писателя и его ответственность перед народом. Призвание истинно народной литературы он видел в разоблачении социальных пороков, в борьбе против всего старого и отжившего. «Писатель не должен искать дешевого успеха,— заявлял Крейцвальд,—он должен острым ножом вскрывать и удалять из жизни все отмирающее, как врач отсекает омертвевшие ткани от живого тела. Тот, кто хочет правдиво отображать жизнь, должен так передавать свет и тени, как видит их своими глазами».

Творчество подлинного поэта, подчеркивал Крейцвальд, служит народу, и величайшая награда для поэта, когда в сердце народа «находит отголосок звон струн его каннеле».

Благородные традиции Крейцвальда, живы. Они помогают нам и сегодня. Они продолжены в лучших художественных произведениях, созданных писателями Советской Эстонии.

В славном жизненном примере, в литературном подвиге Фридриха Рейнгольда Крейцвальда нам, советским писателям, дорого прежде всего то, что он сумел так чутко услышать, так любовно и красочно передать сокровенные думы и чаяния родного народа.

Юхан ШМУУЛ

ОБ УВАЖЕНИИ К ГЕРОЮ

Когда критик начинает говорить о произведении искусства, как о докладной записке, касаясь лишь содержания и старательно обходя форму, в которую вылилось это содержание, — невольно настораживаешься: а вдруг и в самом деле речь идет не о романе, а о докладной записке?

В том, что первые рецензии на роман «Волга-матушка река» вызывают такие невеселые размышления, виноват не автор романа, а его рецензенты, и более всего Н. Толченова. Критик Н. Толченова упорно настаивает на одном: беря в руки новый роман Ф. Панферова, «надо говорить об общественном звучании произведения, народной мысли, его пронизывающей и его согревающей...», и тут же не очень логично добавляет: «...иначе говоря — о том душевном пафосе, который воплощен художником в образы». Несмотря на запрет Н. Толченовой, мы позволим себе поставить вопрос иначе: воплощены ли в художественные образы тот душевный пафос, то общественное звучание, та народная мысль, которые бесспорно присущи роману?

Пойдем за автором. Пристань в Горьком. По берегу шмыгают «измызганные людишки», какой-то старичок с корзинкой... Заметим: «людишки», «старичок», «корзиночка». Художественно это верно? Да. Мелки и неприятны эти чудом уцелевшие из прошлого торгаши... Подъезжает «Победа». Из нее выходят академик Бахарев и партийный работник Морев. Давайте познакомимся, попытаемся хотя бы по первым фразам угадать характер того и другого. (Смысл первых фраз может быть случайным, но манера говорить не может не быть своей, особой, индивидуальной).

«— Образованьице у вас? Инженер? — спрашивает Бахарев, — ...переночуем, а утречком завернем за чемоданом...».

«Образованьице», «утречком»... Странно: та же манера, что и у «людишек» на берегу. Ну да, понятно: академические причуды... Но вдруг снова: «хорошая панорамка», «дурачком выставлять» — партийный работник Морев — иной жизненной школы, иных привычек и вкусов — не только говорит, но и думает с той же характерностью, что и академик Бахарев. У того «улочки» да «особнячки», а у этого «торговлишка» да «теленочек молочный»... Уж не перепутал ли автор?

Подходит к двум нашим героям шеф-повар: «На мясочко взирает?.. Что это? Пустяк — косточка»; встречают они посреди степи директора совхоза Любченко, а у того — тот же «академический» стиль: «Сто рубликов за литр — согласен?». Да не только у него, положительного, но и у самого разотрицательного героя — секретаря обкома Малинова с первых же слов набившее оскомину: «...голубчик... несть числа... Садись, голуба... Квартирку мы тебе приготовили».

Так обнаруживается фальшь. Пригласили в большую компанию живых, интересных людей, говорили, будут академик, партийные работники, директор совхоза и даже повар заглянет, а оказывается — всех их изображает один человек, которого нетрудно узнать: хотя он выступает в разных ролях, но изъясняется в одной, именуемой критиками «угловатой», но посвоему выразительной» манере.

Беда не только в том, что герои романа так однообразно говорят,— они так же «безлично», однообразно мыслят. То глупая шутка, то ничем не оправданная восторженность и восхищение по пустякам, то, наконец, многозначительность, а на самом деле чаще всего пустопорожнее словопрение («прю», как именует их в книге колхозница Анна Арбузина), за которыми не стоит никакой свежей мысли. Этими «прю» более других грешат основные персонажи— академик Бахарев и крупный партийный работник Аким Морев.

Авторский замысел интересен: будущий секретарь обкома попадает на свою руководящую вышку лишь после серьезного знакомства с «соседями», после изучения истории этих мест, их климатических условий, их сегодняшнего положения. Это знакомство и изучение осуществляются в процессе длительного совместного путешествия двух главных героев. Уже то, что добрую половину романа они плывут и едут, не имея возможности вмешиваться в жизнь, накладывает на автора дополнительную ответственность за содержание их долгой, всесторонней беседы. Художественная задача в этом случае сводилась к одному — беседы Бахарева с Моревым должны быть богаты, значительны и свежи по мысли. Иначе, во-первых, никто не поверит, что речь идет о двух незаурядных людях, а, во-вторых, рушится авторский замысел — Морев не получает той самой подготовки и разведки, которая позволила бы ему быстро разобраться во всей сложности жизни на новом для него месте.

Однако как раз интеллектуального богатства и свежести большинству разговоров Бахарева с Моревым явно недостает. Памятуя, что в споре что-нибудь да родится, писатель заставляет их спорить чуть ли не с первой страницы романа. Но тут же выясняется, что оснований для спора нет и возможны лишь словесные перепалки, и то по недоразумению: оказывается, даже садясь на теплоход, Морев не уяснил еще для себя цели предстоящего путешествия, и академик вынужден прочесть первую из своих проповедей.

«...Раз вы отправляетесь на передовую линию, да еще командармом, то обязаны знать, что у вас в тылу. Понятно?»

Где уж тут не понять?.. Но Морев сомневается и только после некоторых раздумий решает про себя: «Ну, ладно, смирюсь».

Следующая страница — и новая перепалка, на этот раз по поводу неудачно брошенной фразы относительно купленной на берегу «рыбешки»... Но вот цели поездки выяснены, стерлядка поделена, начинается разговор по существу.

«...Куда делся чернозем?» — рассуждает академик о судьбе природы при капитализме.— Скушали. Расхитители скушали эксплуататорским отношением к природе— к лесам, к водам, к рекам, к земле — скушали. Сожрали. Что так на меня смотрите? Да. Сожрали. Как? Вырубили леса — хищнически. Бояре, помещики, купчишки... Здесь пока еще все девственно... но и это богатство природы через две-три сотни лет можно превратить в полную пустыню. Пусти только капиталистов: разнесут, растащат, сожрут».

Этот монолог отличается от «всеобъемлющей» пропагандистской статьи тем, что он написан в разговорном стиле. Но ведь по мысли он ничего своего, нового не содержит; не надо быть академиком, чтобы так думать и говорить. Однако завтрашний секретарь обкома ничего этого не замечает, он по-ребячьи увлечен и даже поражен: «— Эко куда хватил — триста лет,— невольно вырвалось у Акима Морева».

И так на протяжении всего многострадального путешествия: «выдающийся ученый» говорит азбучные истины, а «крупный партийный работник» слушает и без конца удивляется.

Академик не слышит себя, он готов ломиться в открытую дверь: «Ужас: человек, гонимый голодом, бессилен перед злой силой природы, как перышко перед бурей. Ныне люди не бегут: обеспечены хлебом на месте... Но тогда народ не мог осуществить эту вековечную мечту... и вы сами знаете, Аким Петрович, почему. А ныне партия и советская власть, в соответствии с желанием народа, решили эту мечту претворить в жизнь. Вот за какие дела мы с вами должны взяться. Возьмемся и сладим...».

И точно так же не слышит наивности своих реплик его собеседник, с детской непосредственностью восклицающий: «Эк хватили!», «Ну уж!», «Не понимаю...»

Кончилось плаванье. Пересев на машину, наши спутники отправляются дальше. Поколесив по двум-трем районам, поговорив на ходу с десятком людей, подбросив им парочку несложных «академических» истин и получив взамен несметное количество комплиментов, они попадают на трассу Волго-Дона. Академик верен себе — он растолковывает общеизвестное:

«— Вот отсюда, от Дона, пересекая степи длиною больше ста километров, канал войдет в затон на Волге у Сталинграда. На пути попадается водораздел в семьдесят два метра. Он будет преодолен путем устройства шлюзов. Здесь вот, около Цимлянска, заканчивается строительство плотины. Она подопрет Дон и образует огромное море. В следующем году поплывут по каналу суда с Волги, побегут пароходы по Цимлянскому морю».

Все эти рассуждения почтительно выслушивает Морев, задуманный автором как государственный деятель, но поразительно неосведомленный и нелюбопытный в жизни. Ведь разговор происходит за год до пуска Волго-Дона, то есть спустя **несколько лет** после начала стройки, после опубликования документов и множества газетных статей на эту тему — значительно более содержательных, чем очередная речь академика!

Наконец, приехали: Приволжск. Пленум обкома партии.

Наши собеседники без ума друг от друга. Проехавшись на машине по области и поболтав, в основном, о пустяках, они уверены в своей непогрешимости. «Многие из них,— заявляет Бахарев о собравшихся в зале приволжских коммунистах,— я уверен (!), не читали книг, какие читали вы, не побывали на Черных землях, в Сарпинских степях.

— И не имели такого консультанта, как вы,— полушутя сказал Аким Морев».

Плохие это шутки! Ведь то, что Морев увидел лишь краешком глаза, сидящие в зале знают глубоко, кровно, живо. Не понимать этого — значит быть недалеким человеком или попросту не уважать участников пленума обкома. Правда, повод для такого неуважения у Морева был: это странная способность членов пленума хохотать до упаду без достаточной на то причины. Расскажет академик незамысловатый анекдот — все громко смеются; стоит одному из выступающих заявить: «...наш обком партии во главе... с товарищем Малиновым действует под лозунгом: «Гром победы, раздавайся, веселися, весь народ» — и в зале «послышались аплодисменты, хохот»; наконец, достаточно в конце нешуточного разговора о невнимании к культурным запросам народа вспомнить о халтурщике-гипнотизере, который кошку превращал в крысу, а крысу — в кошку, и «говорить стало невозможно... голос тонул в хохоте, в громе аплодисментов...».

Этот беспричинный смех сродни бессодержательному глубокомыслию многих бесед Бахарева с Моревым. Слишком мало в этих беседах суждений, которые заслуживают внимания, и поэтому нет «взаправдашних» столкновений двух умных, самостоятельно мыслящих людей. Что есть, то есть — шутки. Но и они не всегда удачны.

Не может Аким Морев, умный и культурный человек пятидесяти лет от роду, увидев на палубе красивую женщину и подумав о ней: «Возможно, мать-героиня»,— тут же, не переводя дыхания, плоско посоветовать заглядевшемуся академику: «А вы ее мужу скажите: он вам покажет красавицу». И даже узнав о том, что у нее взрослый сын, а муж погиб на фронте, Морев не отступает от своих пошлых шуток: «И вы что ж... решили помочь... во вдовьем деле?» Что это — человеческая черта для «оживления» образа секретаря обкома?!

А ведь противопоставить этому налету пошлости глубокий, обаятельный образ русской женщины писатель не сумел. Прав К. Горбунов, когда он пишет, что Анне Арбузиной не хватает как раз той самой «культуры разума», которую якобы отыскал в ней академик Бахарев. Как думающего, мыслящего человека, мы Анну не видим. Пошляк Якутов может думать про себя: «Конечно, прибрала его к рукам, как куренка: еще бы, такая пышная бабочка»,— и автору нечего всерьез возразить. Вместо задуманного показа реального психологического процесса стирания граней оглупленные автором герои попадают в неловкое положение перед читателем: в своем увлечении колхозницей академик выглядит этаким барином, любящим поставить на стол между сардин и устриц редьку с маслом и тушить папиросу не иначе, как в инкрустированный лапоть.

Всего этого не случилось бы, если бы автор романа в создании образов своих героев шел от жизни, от желания типизировать живых людей и явления действительности, а не от стремления «олицетворить» свои собственные соображения и даже свои прошлые литературные открытия (шорец Иван Иванович и Николай Кораблев могли появиться в новом романе только из-за желания «пересказать» самого себя). Спору нет, у автора много мыслей — новых, смелых и интересных. Но если роль всех персонажей, независимо от того, академик ли это или простая колхозница, человек, занимающий высокий партийный пост или служащий поваром на теплоходе, сводится в конечном счете к одному: говорить и думать **так** и **то, что** и **как** обязывает их думать и говорить «авторская манера» — могучее дыхание жизни пропадает, целостность образов разрушается, и читатель останавливается перед неправдоподобием и фальшью. Подмяв под себя (если выражаться в «угловатой манере» автора) мысли, чувства, язык своих героев, Федор Панферов поставил их всех без исключения **ниже** себя, а значит, и ниже читателя.

Мог ли опытный литератор не заметить художественной несостоятельности романа «Волга-матушка река»? Думаю, что не мог. Писатель К. Горбунов, судя по заключительной части его статьи (кстати, во многом не согласованной с началом) заметил эту несостоятельность, но... простил маститому автору. Зато Н. Толченова «не замечает» воинствующе, принципиально. Требование художественного мастерства она сразу же отбрасывает к «прописным истинам» и тут же заявляет, что говорить об этом применительно к роману Ф. Панферова «не стоит». Поэтому, если вместо убедительного образа перерожденца Малинова в романе получился небогатый красками шарж, критик и этому недостатку мастерства находит объяснение: «Мы считаем,— пишет Н. Толченова,— что Ф. Панферов сознательно заостряет явление», это, дескать, «образ сатирически-гневный». Так нас пытаются вернуть к старой критической схеме: «идея — все, мастерство — дело десятое». Нужно не уважать ни писателя, ни читателя, чтобы так снисходительно похлопывать по плечу автора романа лишь за «высокую общественную принципиальность, смелость и честность».

Мы говорим: содержание определяет форму и тем самым ставим в искусстве содержание на первое место. Но не стоит заниматься схоластическим взвешиванием: что лучше — неоформленное содержание или бессодержательная форма. Оба хуже! Как говаривал Аким Морев: «Не запряжешь коня, ежели хомут поломан!».

Пренебрегая формой художественного произведения, критик проявляет неуважение к писателю, а писатель — к своим героям и к читателю.

В. СОКОЛОВ

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

НОВЫЙ роман Ф. Панферова «Волга-матушка река» привлекает ярким воплощением нашей советской действительности, духовной жизни нашего общества.

Большие вопросы советской агрономической науки, активно содействующей великому преобразованию природы: распространение лесопосадок, продвижение пшеницы на юг, внедрение травопольной системы; учение о вирусах и борьба с эпизоотиями; проблемы, поставленные на экономической дискуссии 1951 года, выразительно отражены на страницах романа. Все это дано с настоящим знанием дела, в живой, художественной форме.

Роман Панферова — не учебник по сельскому хозяйству, не агротехническая инструкция и не курс политической экономии. И неправильно поступают те критики, которые с пристрастием «экзаменуют» автора по агроминимуму и требуют от него «производственного» романа. Писатель поднимается до больших художественных обобщений и важные вопросы агробиологии освещает, в целом, совершенно правильно.

Острое политическое чутье и знание жизни позволили Панферову до соответствующих решений увидеть и художественно — органически включая в развитие сюжета романа—показать вредность лесопосадок, производимых узенькими ленточками в условиях безводной, выжженной солнцем полупустыни, открытой испепеляющему дыханию суховея, и порекомендовать облесение оврагов, балок, низин как путь, которым надо итти, пока остается неизменным засушливый климат.

В романе в художественных образах отображена борьба советских людей за распространение имеющей важное народнохозяйственное значение травопольной системы. Выведен убежденный сторонник «сухого земледелия» — областной агроном Якутов, который с целью дискредитации травопольной системы ввел ее в безводных, полупустынных районах Приволжской области. Вредное в данных конкретных условиях мероприятие было отменено. Решено было временно, до прихода Большой воды, сеять пшеницу по лиманам. И можно только удивляться, что находятся такие оппоненты, которые начинают изображать Панферова человеком, не разобравшимся в сути дела и чуть ли не противником травопольной системы. Эти критики либо слишком бегло читали роман, либо не хотят понимать написанное. Что могут дать фразы вроде: «...травопольная система должна применяться повсеместно» (П. Бенедиктов)? Ну, а если мы имеем дело с безводной пустыней (или полупустыней), то травопольную систему «рассудку вопреки...» тоже нужно применять?!

В романе показана оживленная дискуссия между рутинерами от науки, представителем которых является престарелый профессор Уралов, с людьми передовой творческой мысли — энтузиасткой своего дела ветеринарным врачом Еленой Синицыной и выдающимся теоретиком-микробиологом Роговым. Сторонники передовой науки с помощью партийной организации и Акима Морева получают возможность применить новые открытия на практике.

Дыхание жизни чувствуется в романе и в том, что его герои рассуждают о сложных экономических проблемах.

Высказывался упрек: Панферов, дескать, изображая полемику между начетчиком Сухожилиным и Моревым, заставляет последнего говорить словами, совпадающими с положениями в труде «Экономические проблемы социализма в СССР», хотя «страна еще не знала этой работы» (Л. Ульрих). Но что же тут удивительного, если секретарь одного из крупнейших обкомов партии рассуждает правильно и употребляет верные марксистско-ленинские формулировки? Или, может быть, автор этого упрека думает, что **до** появления «Экономических проблем» **все** ошибались? В таком случае ему следует вспомнить известное место из сталинской работы, где прямо указывается, что положение об объективном характере законов природы и законов экономических — общеизвестно и необходимо его повторять, главным образом, для молодых кадров.

Несомненно, будит мысль и спор героев романа: секретаря райкома Астафьева и академика Бахарева о перспективе взаимоотношений МТС и колхозов, в котором Астафьев доказывает, что МТС превратились в «руководителя колхозами».

«Волга-матушка река» — художественное произведение, и смешно требовать от ее героев тщательно отточенных, абсолютно выверенных формулировок. Та путаница, которую пытаются внести в этот вопрос некоторые оппоненты, уводит от оценки нового романа Панферова как **художественного произведения**, от оценки его стиля, языка, композиции, характеров.

В этом отношении полезна своим хозяйским, деловым подходом статья К. Горбунова, хотя автор ее и не во всем, мне думается, прав.

Напротив, вызывает недоумение вывод Н. Толченовой, что Ф. Панферов «одержал большую творческую победу». Большой писатель Ф. Панферов просто не нуждается в таких преждевременных «похвальных листах». Ему нужна конкретная, помогающая в работе оценка первой книги романа.

Панферову, несомненно, удался коллективный образ областной партийной организации; портреты секретарей обкома (Морева и Пухова), райкомов (Астафьева и Лагутина), руководителей советских (Опарин) и хозяйственных (Кораблев, Лосев) организаций; изображение кипучей жизни партийно-советского актива области. Правдиво изображены сцена пленума обкома, резкое столкновение, конфликт областной партийной организации с оторвавшимся от народа Малиновым и кучкой его приспешников. Красочны в романе поэтические картины природы. Выразительны сцены ночной охоты, передвижения отары овец, попавшей в обледенение. Читая эти лучшие страницы романа, думаешь: какой яркий, полнокровный реализм!

Несправедливы и упреки Панферову в статичности композиции. Путешествие и разъезды главных героев дают писателю возможность показать широкую панораму нашей жизни, а органическая сращенность сюжетной линии с жизнью и деятельностью главного героя романа Акима Морева дает произведению цельность.

Характер Морева Панферов раскрывает многосторонне, в единстве общественного и личного. Он убедительно показывает, что силу Мореву дают близость к народу, непрестанная забота о его нуждах и упорное стремление секретаря обкома совершенствоваться, учиться. Столкнувшись с важным зоотехническим вопросом, Морев перечитывает груды научных книг, и это помогает принять правильное решение. Аким Морев руководит разоблачением начетчика и путаника Сухожилина.

Морев — человек, способный радоваться и возмущаться, страдать и любить. Он остро переживает гибель на фронте жены. Много лет спустя он полюбил Елену. Конечно, ни одиночество, ни напряженное ожидание встречи, ни весна не делают правдоподобным обморок секретаря обкома, решившего, что Елена вышла за другого; однако никаких следов «зоологического буйства», приписываемого Мореву одним из критиков, в его поведении незаметно, и образ Акима Морева, выдержанный во всех основных чертах создаваемого характера,— несомненная удача писателя.

Жив, естественен, правдив характер Ивана Евдокимовича Бахарева, знаменитого агронома-селекционера. И неправы критики, требующие от Панферова иконописного академика. Как же: говорит простым, грубоватым языком, употребляет просторечные словечки да еще (ах, какой пассаж!) женится на колхознице! Действительно, женитьба академика на знатном садоводе Анне Арбузиной совершается слишком быстро, но лица, критикующие Бахарева за выражение «урвали рыбешку», не чувствуют в этом обороте речи шутки; инкриминирующие ему «фокстрот долдонят» — не видят раздраженного бессонницей человека; считающие, что академик не должен был нести мешок с репой, не понимают, что Иван Евдокимович хотел перед Анной показаться молодцом; а требующие от Бахарева полезных дел — забывают о том, что он вывел засухоустойчивый сорт пшеницы, организовал в Приволжской области отделение Академии наук, помог партийной организации Приволжья разоблачить рутинеров и вредителей в сельском хозяйстве.

Полностью отвечает логике развития образа и характер ветеринарного врача — пылкой и настойчивой Елены Синицыной. В ней сочетаются проницательный ум и женская обаятельность.

Запоминающимся, но несколько примитивным получился образ сестры Елены — Анны Арбузиной, хотя в «строительном материале» этого образа имеются все возможности для развития в интересный, самобытный характер.

Но не всегда писатель удерживается в романе на уровне высокого реализма. Некоторые сцены, как, например, первый приезд Бахарева к Анне Арбузиной, даны несколько облегченно. Чуть только главные герои романа, разъезжающие по области, заблудятся или застрянут с автомобилем в какой-либо канаве, вдруг, подобно Рубцову-Емницкому у Бабаевского, появляется обрисованный в водевильном плане директор совхоза Любченко.

Панферову не всегда удаются образы детей. Так, фальшив, неестественен образ пятилетнего сынишки капитана Лялина. Для второстепенных персонажей писатель часто применяет чисто внешние речевые характеристики. Капитан к делу и не к делу употребляет выражение «тем паче». Шофер злоупотребляет словечком «абсолютно». Иногда эти поиски внешней характерности приводят к отрицательным результатам. Так, повар на пароходе изъясняется языком, каким никто теперь не говорит. Язык авторской речи богат и, как правило, прост и доходчив. Но порой писатель грешит вульгаризмами: «хребтина горы», «варево»; иной раз неправильно употребляет слово: как, например, «крутизна» во множественном числе.

В целом же новый роман Панферова— высокоидейная, правдивая и интересная книга, хотя и нуждающаяся в дальнейшем совершенствовании.

А. САХАЛТУЕВ

Статьи печатаются в порядке обсуждения.

ОТКЛИКИ НА ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ОБЗОР АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

Американская печать отражает тревогу Вашингтона в связи с широкими и благожелательными откликами, которые вызвало заявление Советского правительства по поводу выступления президента Эйзенхауэра. Как известно, Советский Союз в качестве важного шага, направленного на ослабление международной напряженности и предотвращение угрозы атомной войны, предложил государствам принять на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения.

Говоря о реакции некоторых кругов США на советское заявление, бельгийская католическая газета «Насьон бельж» писала, что «советский ответ является обнадеживающим. Однако он почти не вызвал энтузиазма в США...». Но «в момент, когда все человечество стремится к миру, — подчеркивала «Нью-Йорк таймс», — ни одно правительство не может отказаться «обсуждать» что бы то ни было». Еще яснее высказывается обозреватель «Крисчен сайенс монитор» Харш. Он указывает, что, поскольку США «упорно продолжают рассчитывать на «оружие массового уничтожения», перед государственным секретарем Даллесом стоит проблема, как не навлечь на Соединенные Штаты «ненависть всего мира».

Именно в этой связи следует рассматривать попытки американской печати (тон в этом отношении задали официальные лица, в том числе и Даллес) замолчать новое советское предложение, а когда это не удалось, то исказить смысл позиции Советского Союза.

Характерно, что крупнейшие американские газеты, опубликовавшие текст советского заявления, прибегли к грубой подтасовке. Эти газеты исказили смысл советского заявления, выпустив из текста важное указание на то, что «международное санкционирование производства атомного оружия было бы на руку агрессивным силам», и вставив вместо него следующую фразу: «Международный контроль над атомным оружием был бы на руку агрессивным силам». Извращенно толкует советское заявление и обозреватель «Нью-Йорк геральд трибюн» Липпман в статье «Новая советская позиция». С одной стороны, по мнению Липпмана, расхождение между США и Советским Союзом в вопросе об атомном оружии «остается очень большим, но это такое расхождение, которое можно обсуждать». С другой стороны, Липпман старается внушить своим читателям нелепую мысль, будто США хотят запретить «агрессивную войну, независимо от характера оружия», в то время как «СССР хочет запретить атомную войну».

В свете утверждений Липпмана об отсутствии у США агрессивных планов нельзя не остановиться на многочисленных высказываниях американской печати, заявляющей, что Соединенные Штаты намерены и впредь продолжать гонку атомного вооружения. Приведем лишь некоторые из них.

«На первый взгляд кажется почти немыслимым, чтобы американцы согласились на данной стадии дать обязательство не применять атомное вооружение. В настоящее время в американских военных планах атомное вооружение учитывается как вооружение обычного типа» (Хайтауэр, обозреватель агентства Ассошиэйтед Пресс).

«В новых планах обороны (то есть в военных планах США. — **Ред.**) больший упор делается на атомное оружие. Поэтому высокопоставленные представители почти не проявляют оптимизма» в связи с заявлением Советского правительства (Бигарт, вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн»).

«Эйзенхауэр предложил план мирного использования излишков атомной энергии, в то время как Соединенные Штаты продолжали бы развивать свою военную атомную мощь» (Харш, корреспондент «Крисчен сайенс монитор»).

Американская печать была поставлена перед необходимостью ответить на критику предложения Эйзенхауэра, которая содержалась в советском заявлении. Комментаторы многих газет вынуждены признать, что «план Эйзенхауэра» не в состоянии предотвратить угрозу атомной войны. Обозреватель Рестон указывает, что Эйзенхауэр «не ставил своей целью разрешение всех проблем... Он не предлагал полного урегулирования» (то есть предотвращения угрозы атомной войны. — **Ред.**). Предложения Эйзенхауэра, пишет Липпман, «ограничиваются невоенными аспектами ядерной энергии». Но именно в недостаточности предложений президента Эйзенхауэра американская печать пытается усмотреть их «достоинства» и «преимущества». Одновременно предложение Советского правительства о торжественном и безоговорочном обязательстве государств не применять атомного оружия заранее и голословно объявляется «неосуществимым» и «неприемлемым».

Американские газеты упорно стараются подчеркнуть расхождения в позициях США и СССР и создать впечатление, что «вряд ли удастся, — как заявляет Рестон, — примирить положения речи Эйзенхауэра с ответом Москвы».

Таковы отклики определенной части американской прессы на заявление Советского правительства.

СУДЬБЫ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Недавно французская газета «Юманите — Диманш» опубликовала подборку статей под общим заголовком «Франция — не конченная страна». Видные деятели науки и культуры, писатели и журналисты, общественные деятели — горячие патриоты своей родины — решительно протестуют против попыток принизить значение Франции, как великой державы, умалить ее роль в европейских делах и мировой политике. Они хотят видеть свою страну независимой и сильной, способной проводить внутреннюю и внешнюю политику, отвечающую интересам нации.

Мы печатаем с небольшими сокращениями одну из этих статей, принадлежащую перу французского писателя Жана Фревиля.

Культура народа — самый явный признак его силы и величия. Она определяет его место среди других народов и создает ему ореол в истории. Республики древней Греции, средневековые арабские халифаты давно не существуют, но оставленные ими произведения и памятники культуры свидетельствуют об их расцвете и славе.

Не нужно думать, что культура и ее шедевры возникают самопроизвольно, что они — результат счастливого случая, появления гениев. Культура — не порождение духа, не изолированная область, ускользающая от воздействия событий. Она уходит корнями в национальную почву, ее определяют социальные, политические и экономические условия.

Культура народа — совокупность его деятельности в различных областях интеллектуальной жизни. Это — степень развития его науки и техники; это — качество его литературы, театра, кино; это — количество и оборудование его школ, университетов, лабораторий, библиотек; это — условия жизни трудящихся, ученых, писателей, художников; это — забота правительства обо всем, относящемся к духовной жизни, о постоянном подъеме культурного уровня и благосостояния масс, это — уважение и любовь, которой окружены его знатные люди; это — утверждение и распространение того, что составляет сущность национального духа.

Достаточно так определить культуру, чтобы осудить определенного рода политику...

Разве Франции не хватает умов? Разве огонь ее мысли, так долго освещавший мир, мерцает, готовясь угаснуть? Разве иссякла жила, питавшая ее творцов? Разве исчерпана ее жизненная сила? А ведь именно в этом пытаются нас убедить могильщики родины, которые аплодируют ее «упадку», отказывают ей в будущем, хотят живьем замуровать ее в застенок американизированной и германизированной Европы, уже источающей зловоние подготовляемой ими бойни.

Нет! Наши отечественные таланты так же многочисленны, как в любую эпоху истории. Наши ученые, инженеры, техники все с той же страстностью ведут свою работу и все так же пользуются всеобщим уважением: наши изобретатели попрежнему находчивы и умелы; наши учителя попрежнему образованны; наши писатели попрежнему владеют языком и мыслью; наш народ попрежнему умен и трудолюбив. Лучшую часть интеллигенции продолжает вдохновлять тот воинствующий гуманизм, который из века в век далеко прославлял имя Франции. Басня о Франции «разлагающейся», о Франции, клонящейся к упадку, — это грубая клевета, распространяемая маккартистами всех стран. Цели ее были недавно разоблачены, с его обычной прозорливостью, Морисом Торезом. Ведь для того, чтобы подменить Париж Виктора Гюго и Золя — Бонном Аденауэра, нужно сначала дискредитировать и разрушить Париж Виктора Гюго и Золя.

«Больная» Франция, обреченная Франция? Да, Францию обрекают на болезнь и смерть те, кто, не веря больше ни в свою страну, ни в свой народ, хочет сделать их рабами иностранного империализма. Не народ наш выродился, — были ухудшены условия жизни. Весна французской культуры могла бы притти вновь, если бы люди, стоявшие у власти, решительно не принесли в жертву, не удушили нашу экономику, если бы они не осуществляли политики интеллектуального мальтузианства, ликвидации духовного наследства, если бы они не преследовали мысль, не подавляли и не обрекали на нищету лучших людей, не пренебрегали запросами масс. И однако — доказательством тому великий народный подъем после освобождения — перед нами был открыт и другой путь — путь поощрения труда, защиты национальных интересов, доверия к народу: он обеспечил бы нашу независимость и в то же время экономическое благоденствие и расцвет нашей культуры.

Историки будущего установят, чего стоила нам во всех областях жизни пагубная тактика, капитуляция перед долларом, равнение на обскурантов — «охотников за ведьмами».

Политический и экономический упадок влечет за собой упадок культуры. Порабощенные страны теряют собственное лицо...

Все ухудшается и без того бедственное положение школ: здания тесные, ветхие, зачастую создающие угрозу здоровью; отсутствие кредитов для удовлетворения справедливых требований преподавательского персонала и противозаконные посягательства на гражданские свободы учителей; отсутствие кредитов на общее и профессиональное образование молодых французов и предоставление кредитов на войну во Вьетнаме; бюджетные ассигнования на народное просвещение, которые составляли в 1947 году 9,6 процента всего бюджета, снизились в 1953 году до 5,8 процента, в то время как ассигнования на военные нужды возросли с 29 процентов до 40 процентов... В Советском Союзе расходы на народное просвещение составляют значительную часть бюджета. И после этого еще осмеливаются говорить, что это Советский Союз угрожает миру!

Скольких школ, больниц, лабораторий нас лишает один месяц войны во Вьетнаме! Правительство, которое находит средства на дела смерти, отказывает в них для дела жизни. Мы видим преподавателей с учеными степенями, которые бросают работу по специальности... и ищут у предпринимателей службу с большим заработком. Мы видим студентов, вынужденных зарабатывать себе на жизнь ночным мытьем автомашин. Мы видим учащихся коммунальных школ, размещенных в бывших овчарнях...

Повсюду те же сумерки, то же медленное погружение во мрак. Кинематографический рынок заполнен американскими фильмами, вредное и разлагающее воздействие которых оглупляет молодежь. У нас укореняются нравы, которые в чести за Атлантикой: преследуют за высказывание убеждений, перед «подозрительными» закрывают двери школ, выгоняют их со службы. Завтра, быть может, если мы не примем мер, попытаются сжигать книги...

Однако Франция еще не перестала играть свою роль в истории. Она не готова ни к отречению, ни к рабству...

Задача сегодняшнего дня — положить конец особенно мрачному периоду нашей истории, порвать с политикой социальной реакции и обскурантизма, продиктованной из-за границы, вернуться на путь, которым наша страна шла столетиями, который определили уже Рабле и Декарт и прославили поколения борцов за прогресс и просвещение.

Американский миллиардер Форд кричит своим рабочим: «Думать запрещено! За что я плачу деньги!». Нацистский литератор Йост заявляет: «Когда я слышу слово «культура», я вытаскиваю револьвер...».

Эти две концепции культуры сходятся.

Но есть другое представление о культуре, обращенное к счастью и духовному обогащению человека...

Это представление всегда было свойственно Франции.

Таким оно остается для нас и теперь.

Жан ФРЕВИЛЬ,
французский писатель

Джентльмен с Уолл-стрита: — **Не пугайся, Марианна, с моей помощью ты выдержишь!..** Рисунок худ. Н. Цончева из болгарской газеты «Работническо дело»

Международная почта

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ „ПОДАРКИ" РЕВАНШИСТОВ

Газета западногерманской военщины «Дейче зольдатен-цейтунг» дала в номере от 3 декабря этого года специальное приложение, крикливо озаглавленное: «Солдатские книги для рождественского стола». Это — список изданий, которые, как пояснила редакция «Дейче зольдатен-цейтунг», она, «несомненно, может рекомендовать своим читателям».

Что же предлагает немцам в качестве «рождественского чтения» печатный орган недобитых гитлеровских вояк? Список книг обширен: три раздела включают 67 наименований. В подавляющем большинстве — это издания, прославляющие фашизм и вандализм гитлеровцев и в той или иной форме пропагандирующие идеи реванша.

«Солдатские книги для рождественского стола» — заголовок приложения к газете «Дейче зольдатен-цейтунг».

В разделе «Облик войны и военная наука» мы видим «произведения» известных гитлеровских генералов — военных преступников. Здесь — «Воспоминания солдата» Гудериана, «Парашютисты тогда и впоследствии» Рамке (о последнем в аннотации говорится, что он прошел «путь страданий как «военный преступник»...), «Солдат до последнего дня» Кессельринга и другие. Аннотация к книге предателя бельгийского народа Дегрелля «Погибший легион» восхваляет «подвиги» бельгийских фашистов в войне против СССР. Вот что сказано о книге Пейджета, посвященной палачу европейских народов Манштейну: автор «при помощи неопровержимых доказательств» реабилитирует «одного из способнейших немецких полководцев»...

Раздел «История и биографии» полон не менее наглыми откровениями реваншистов. Назовем две книги: «В защиту немецких солдат» Латернзера — немецкого защитника на Нюрнбергском процессе и «Глазенбах — Нюрнберг — Ландсберг» бывшего немецкого генерал-полковника Рендулича, который в своем «труде» утверждает, что «...нюрнбергский приговор был юридической ошибкой».

Последний раздел называется «Воспоминания и романы». Тут собраны книги, пропагандирующие «заслуги» немецких шпионов, — «Секретная команда Скорцени», «Мсье Жан — секретная миссия одного немца», «Рассвет в Иране» и т. д. Наглым издевательством над жертвами, понесенными во время второй мировой войны чехословацким народом, является стряпня Векера «Последние из Праги».

Издатели «Дейче зольдатен-цейтунг» поднесли читателям рождественский «подарок», от которого пахнет кровью жертв фашизма и от которого с негодованием отвернется каждый честный человек.

МАККАРТИ И СКУЛЬПТОР XIII ВЕКА

Некоторые американцы утверждают, что если бы только позволила техника нынешнего века, сенатор Маккарти распространил бы деятельность возглавляемой им пресловутой комиссии по расследованиям на Марс, а может быть, и на более отдаленные от земли планеты... Но сие, видимо, дело будущего. Пока же «охотник за ведьмами» № 1 занимается настоящим и... далеким прошлым. Очередной жертвой стал талантливый польский скульптор XIII века Вит Ствош.

Какие же «провинности» древнего скульптора дали повод маккартистам заподозрить и его в «коммунистической пропаганде»? История дела, по словам польского журнала «Свят», такова.

В древнем польском городе Кракове имеется собор, известный под названием Мариацкого. Он славится своей архитектурой и прежде всего замечательным алтарем работы Вита Ствоша. Во время гитлеровской оккупации Польши фашисты разобрали алтарь и вывезли его в Германию. Советские войска обнаружили этот памятник польской культуры в одном из немецких городов и возвратили его на родину. В народной Польше алтарь был реставрирован и выставлен в Кракове для всеобщего обозрения. Польские кинематографисты засняли его на кинопленку и создали научно-популярный фильм «Вит Ствош».

Вот этот-то фильм и вызвал гнев сенатора Маккарти. После того, как картина «Вит Ствош» была показана в кинотеатре «Джорджтаун» в Вашингтоне, владелец театра был немедленно вызван для дачи объяснений в комиссию Маккарти. Пункт обвинения гласил: «...Нелегальная коммунистическая деятельность»... И хотя фильм изображал религиозные сцены, запечатленные в скульптуре средневековым мастером, Вит Ствош был изгнан из пределов США, ибо кинокартину изготовили в свободной Польше... Американский сенатор не может примириться с тем, что в новой Польше народ чтит традиции национальной культуры.

ОСТРОВ „СОРОКА ВОРОВ"

Бермудские острова — старейшая английская колония в Атлантическом океане. Но по быту и нравам — это в миниатюре один из штатов США. Вот что рассказывает о Бермудских островах корреспондент английской буржуазной газеты «Рейнольдс ньюс»:

60 процентов населения островов — негры. Они лишены самых элементарных прав и подвергаются жесточайшей расовой дискриминации. Богатые американские туристы задают тон на Бермудских островах. Они требуют, чтобы цветным было запрещено останавливаться в отелях.

«Среди моих друзей на Бермудских островах, — пишет корреспондент «Рейнольдс ньюс», — много «цветных». Но если я хочу посидеть, выпить и побеседовать с приятелем в ресторане или в баре, то нас отказываются обслуживать из-за цвета кожи моего спутника, кем бы он ни был — врачом, юристом или каменщиком».

Когда в городе Гамильтоне, рассказывает корреспондент, был открыт новый театр, то его владелец поставил условием, чтобы «цветные» не допускались на те же спектакли, что и белые. Даже в церквах на Бермудах существует непреодолимый «цветной барьер». Негры имеют право сидеть лишь на определенных местах, в задних рядах церкви.

По словам корреспондента, который сам является уроженцем Бермуд и хорошо знает местные нравы, «за внешним красивым фасадом скрывается деятельность клики напыщенных и важных торговых королей с Фронт-стрита в Гамильтоне, столице острова. Им дали прозвище «Сорок воров Бермудских островов», и оно осталось за ними. Они управляют колонией, но не из здания парламента, а из прокуренных комнат Королевского бермудского яхт-клуба». Сорок семейств богачей на Бермудских островах сказочно богаты, пишет другая английская газета «Дейли миррор». И наряду с этим — страшная нищета и безработица царят на островах. Люди годами не имеют работы и потеряли надежду получить ее.

«Остров снобов», «рай для миллионеров», — так называет Бермудские острова английская буржуазная печать.

НОВОГОДНИЙ ВОЯЖ

Из Соединенных Штатов на днях выехала в Европу «новая миссия, организованная руководителем Управления заграничных операций Гарольдом Стассеном». Американская газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд Сан», рассказавшая об этом, одновременно ответила на вопросы: кто, куда и зачем едет.

Оказывается, четыре американские дамы, близкие к республиканской партии, предприняли по поручению Управления заграничных операций этакий новогодний блиц-вояж по странам Западной Европы. Они едут не одни, а с мужьями. Этапы их пути — Западная Германия, Франция, Австрия, Италия, Испания... Как особо подчеркивает «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд Сан», они едут туда для того, чтобы выполнить официальную филантропическую миссию: наблюдать за распределением американских рождественских посылок и «выяснить, нравятся ли европейцам их рождественские подарки».

Разумеется, высокопоставленные дамы и их мужья путешествуют на казенный счет — за свои «труды» каждый из них получает по 25 долларов в день. Вместе с прочими дорожными и карманными расходами это составит кругленькую сумму — 15 тысяч долларов. Именно это обстоятельство и раздражает газету «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд Сан», которая считает, что в Вашингтоне и без того хоть отбавляй профессиональных расследователей.

Однако главное, что беспокоит газету, выражено в первых же словах статьи: «Говорят, что сейчас европейцев трудно удивить чем-нибудь, особенно, если это исходит от Америки». Американская газета предвидит, что новогодний рекламно-пропагандистский трюк не окупит произведенных расходов, что шумиха вокруг рождественской «помощи бедным европейцам» лопнет, как мыльный пузырь. Тем более, не спасет положения филантропическая миссия четырех американских дам.

Ретивый «расследователь» — Дед-морозу: — **А что вы делали в ночь под рождество?..**

Рисунок из английского журнала «Лондон опиньон»

СТРАСТЬ К ПОДРАЖАНИЮ

Известно, что австрийские правые социалисты уже давно воспылали любовью ко всему заокеанскому. Когда они возвращаются из паломничества в американскую Мекку, то стараются возможно красноречивее воспеть виденное и слышанное в США.

Все заокеанское кажется таким господам достойным перенесения на австрийскую почву. В этом отношении характерно недавнее выступление правого социалиста Векхарта на заседании финансовой комиссии австрийского парламента. Он рекомендовал заимствовать следующий метод, применяемый в США. Там, поведал Векхарт, имеется специальное парламентское бюро, в обязанность которого входит снабжение парламентариев не только статистическим и прочим материалом, но и, главное, заранее подготовленными текстами речей, причем эти речи пишутся в двух вариантах: один — одобряющий законопроект, другой — его отклоняющий.

Такая «рационализация» парламентской процедуры позволяет не только сокращать время и труд не в меру занятых джентльменов, но и полностью покончить с демократическими принципами парламентаризма. Таковы устремления некоторых политических деятелей Австрии...

Смесъ

Жизнь в трущобах. По сообщению газеты «Чикаго дейли ньюс», уполномоченный правительственной комиссии по вопросам жилищного строительства Слассер заявил, что 20 процентов жилых районов в крупных американских городах представляют собой трущобы. В этих районах проживает одна треть населения. Больше половины обитателей трущоб болеют туберкулезом. Слассер, недавно совершивший инспекционную поездку по США, сказал: «Мне постоянно приходилось говорить: «Худших трущоб не может быть», но на следующий день я находил еще более ужасные трущобы».

«Франкизм — враг школы». Под таким заголовком прогрессивная газета «Эспанья популар», издающаяся в Мексике, поместила статью, рассказывающую об упадке образования во франкистской Испании. Только за четыре года (1946—1950), пишет газета, количество школьников в стране сократилось больше, чем на 25 процентов. С каждым годом в Испании закрывается все большее число школ и миллионы детей остаются неграмотными. Это и неудивительно: фашистская клика Франко более 70 процентов средств государственного бюджета расходует на подготовку к войне и на содержание франкистского аппарата насилия.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ МИРА

ЛЕОН КРУЧКОВСКИЙ

Несколько лет тому назад в одном из театров Варшавы мне довелось присутствовать на замечательном и волнующем спектакле, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Шли «Немцы» Леона Кручковского. Варшава переживала дни своего нового рождения, волею трудового польского народа она вставала из руин — древняя и вместе с тем совсем молодая.

Рядом с поднятой ввысь колонной Зигмунта, напоминающей очень далекое прошлое, уже возвышались над Вислой свежеокрашенные, покрытые веселыми черепичными крышами кварталы Мариенштата — одного из первых жилых районов современной Варшавы, мужественной, сосредоточенной, словно готовящейся к прыжку в будущее.

В сердцах варшавян и варшавянок, в сердцах миллионов трудящихся поляков еще свежи были воспоминания о страшных годах гитлеровской оккупации с ее варварской жестокостью, о подлых провокациях польских националистов, о великом испепеляющем горе, выпавшем на долю Польши, ее столицы, ее народа.

Зрители с волнением следили за развитием сюжета пьесы Кручковского. Сцена в задыхающейся от голода Норвегии, эпизод в страдающей, борющейся и ненавидящей гитлеровских захватчиков Франции, — и вот уже внимание зрительного зала приковано к внутренней драме, развивающейся в семье профессора Зонненбруха, крупного немецкого ученого. Рамки семейной драмы расширяются все больше и больше, она захватывает новых людей с их судьбами и переживаниями, с их жизнью и борьбой.

Умный, тонкий, великолепный мастер драматического слова и сценического действия воссоздает перед нами картину всей Германии, вернее, двух Германий: логова временно захвативших власть, озверевших фашистских каннибалов и родины непокорившихся, любящих свой народ и его культуру, борющихся за сегодня и завтра своей страны немецких патриотов.

Леон Кручковский создал правдивые образы борцов против фашизма. Он немало их видел сам в гитлеровском концентрационном лагере, где вместе с другими прогрессивными деятелями польского народа находился в течение нескольких томительных лет.

Спектакль «Немцы» имел огромный успех в Варшаве, Кракове, Лодзи, по всей Польше. Пьеса была поставлена в Берлине, и зрители демократической Германии благодарили своего польского друга за то, что он тонким чутьем художника и чистым сердцем патриота сумел беспощадно разоблачить подлость и мерзость фашизма, глубоко понять чувства тех немцев, для которых фашизм был лютым и непримиримым врагом. Вслед за тем «Немцы» были переведены на десятки языков, поставлены в театрах Праги, Софии, Рима, Лондона, Парижа, Вены, Хельсинки, прочно вошли в золотой фонд лучших произведений европейской литературы, пропагандирующей дело мира и международного братства всех людей доброй воли. На основе пьесы был написан сценарий фильма «История одной семьи», который шел на советских экранах и был горячо встречен зрителями.

Своим выдающимся успехом произведение Леона Кручковского обязано тому, что писатель с большой художественной убедительностью поставил проблему мирного, демократического возрождения Германии и решил ее с позиций подлинного борца за мир и дружбу между народами.

Скоро мне представился случай познакомиться с автором замечательной пьесы. Леон Кручковский — председатель союза польских писателей — принимал нас, представителей советских литераторов, прибывших в качестве гостей на съезд писателей Польши.

Мы увидели человека со спокойным, но всегда немного озабоченным лицом, — характерная черта людей мужественных, прошедших через трудные испытания, не только созерцающих, но и пристально изучающих окружающую действительность.

В продолжительной дружеской беседе образ Кручковского-писателя, выдающегося представителя польской демократической литературы, автора романов «Кордиан и хам», «Павлиньи перья», «Тенета», пьес «Возмездие» и «Немцы», дополнялся обликом Кручковского — общественного деятеля, вдумчивого руководителя, чуткого товарища.

Выступления Леона Кручковского на съезде польских писателей, на литературных вечерах, участником которых мне пришлось быть, укрепили впечатление, создавшееся после первой встречи.

Леон Кручковский принадлежит к числу польских интеллигентов, вышедших на ниву творческой и общественной деятельности в период между первой и второй мировыми войнами. На долю этого поколения выпали многие тяжелые испытания. Реакционная польская буржуазия привела польское буржуазное государство к кровавому профашистскому санационному режиму, предала интересы народа, отвергла возможности получения дружеской помощи со стороны Советского Союза, капитулировала перед гитлеризмом.

Как и миллионы его соотечественников, Леон Кручковский видел крах буржуазной Польши, испытал тяжесть гонений и кошмар гитлеровского лагеря смерти в период оккупации, был свидетелем чудовищных преступлений фашистов, спровоцировавших варшавское восстание. Перед Леоном Кручковским, как и перед его современниками, пережившими черную ночь оккупации, вместе с первыми лучами желанной свободы, сияющей на знаменах героической Советской Армии и славных частей Войска Польского, раскинулись испепеленные фашистским нашествием города и села родной страны, разрушенная столица.

Леон Кручковский уверенно вступает в ряды строителей новой Польши, с неиссякаемой энергией работает над восстановлением горячо любимой родины, над взращиванием всходов ее новой культуры. В этой работе он пользуется неизменным доверием польской общественности. В 1945 году писатель был избран депутатом в Краеву Раду Народову, а в 1947 году — депутатом Польского сейма. С 1945 по 1948 год мы видим его на посту заместителя министра культуры и искусств. В 1949 году на IV щецинском съезде польских писателей Леона Кручковского единодушно избирают председателем Союза польских писателей. Кипучая, плодотворная общественная деятельность сочетается с напряженной творческой работой. Одно за другим появляются новые произведения писателя. Пьеса «Возмездие», пьеса «Немцы», сборник публицистических статей «Встречи и сопоставления». Эта последняя книга — результат поездок Леона Кручковского в СССР, Бельгию, США, Францию, Данию, Швецию, Германскую Демократическую Республику. Статьи и очерки, объединенные в сборнике, пронизаны одной мыслью — необходимостью бороться за мир. «Войны не будет, — пишет Леон Кручковский в своей книге, — если мы все, честные люди, без различия рас, национальностей, вероисповедания и политических взглядов, всеми доступными нам средствами будем решительно бороться за мир. Войны не будет, если мы ее не допустим. Войны не будет, если мы все твердо заявим о нашей единой воле отбить любую попытку нарушить мир».

Призывая бороться против войны, писатель сам становится в первые ряды сторонников мира. Он участвует в международных конгрессах сторонников мира в Париже, Варшаве, Вене. Он является членом Всемирного Совета Мира и Польского комитета защиты мира.

Писатель-патриот, писатель — борец за мир, Леон Кручковский, как и другие представители прогрессивной польской культуры, живет и творит сейчас в счастливые дни становления новой, демократической Польши. Писатель видел, как изо дня в день поднималась из руин Варшава, чарующая глаз своей новой прелестью и красотой. При братской помощи Советского Союза народно-демократическая Польша пошла по пути успешного строительства основ социализма; быстро начала расти ее индустрия, пустила прочные корни новая жизнь в селе, все ярче и многообразнее становится культурная жизнь страны.

Замечательная трасса «Восток — запад» и чудо строительной техники — сооружение величественного Дворца культуры и науки имени И. В. Сталина в Варшаве, колоссальный размах строительных работ на крупнейшем металлургическом комбинате «Новая Гута» возле Кракова, изумительные трудовые подвиги польских горняков и текстильщиков, распаханные межи на полях, новые школы и культурные учреждения, веселый детский гомон в прекрасных варшавских парках, могучая советская техника, помогающая осуществлению грандиозных предначертаний шестилетнего плана, — все это наполняет радостью и энергией сердце писателя.

И тем настойчивее борется он за торжество идей мира и прогресса — и своими художественными произведениями, и своим влиянием на процесс развития польской литературы, и своими устными и печатными выступлениями в защиту мира.

Присуждение Леону Кручковскому международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» с радостью встречено всеми, кому дорого дело мира и прогресса. Пусть это выдающееся событие в жизни Леона Кручковского придаст ему новые силы и новую энергию в его вдохновенном и благородном труде!

Любомир ДМИТЕРКО

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03871.